

ПОЭТЫ XX ВЕКА

СТИХИ ЗАРУБЕЖНЫХ ПОЭТОВ

Михаил Александрович Зенкевич, один из старейших советских поэтов и основателей советской школы поэтического перевода, родился в 1891 году в семье учителя.

Печататься начинал в революционных подпольных изданиях, конфискованных царской охранкой. Первый сборник стихов — «Дикая порфира» — вышел в Петербурге в 1912 году в издании «Цеха поэтов». Уже этот сборник привлек внимание любителей поэзии своеобразием тематики и яркостью образов. После Великой Октябрьской революции М. Зенкевич — доброволец Красной Армии, корреспондент Роста, сотрудник «Известий». В 1921 году в Саратове вышла новая книга стихов поэта, «Пашня танков», — пламенное слово о величии пролетарской революции.

В начале двадцатых годов М. Зенкевич приезжает в Москву. Здесь он работает в издательстве «Земля и фабрика», в Гихле, в «Новом мире». Публикует новые книги стихов — «Поздний пролет» (1928), «Машинная страда» (1931), «Избранные стихи» (1933), вышедшие под редакцией Эдуарда Багрицкого, считавшего М. Зенкевича одним из своих учителей. В 1937 году выходит книга «Набор высоты».

Во время Великой Отечественной войны М. Зенкевич неоднократно выезжал на фронт, где выступал со стихами перед воинами Советской Армии. Многие из этих стихов, написанных поэтом под непосредственным впечатлением ратного подвига советского народа, вошли в изданный в 1962 году сборник «Сквозь грозы лет».

Труд многих лет посвятил М. Зенкевич переводам зарубежной прогрессивной поэзии, переводам мировой классики. Основные интересы М. Зенкевича лежат в области перевода поэтов английского языка, главным образом современников. Но много сделал поэт и в другой области — он создал большие переводческие циклы из произведений поэтов стран социализма и Латинской Америки. Характерной особенностью М. Зенкевича как поэта-переводчика является тонкое проникновение в поэтическую «душу» переводимых произведений, точное ощущение и передача их исторического и национального колорита. Созвучные по форме и содержанию оригиналу, переводы М. Зенкевича в их лучших образцах стали явлением русской советской поэзии.

М А С Т Е Р А   П О Э Т И Ч Е

**ПОД РЕДАКЦИЕЙ
П. АНТОКОЛЬСКОГО, Е. ВИНОКУРОВА,
М. ЗЕНКЕВИЧА, Н. ЛЮБИМОВА
и Б. СЛУЦКОГО**

ВЫПУСК 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО   „ПРОГРЕСС”

С К О Г О   П Е Р Е В О Д А

**П О Э Т Ы
Х Х В Е К А**

**СТИХИ
ЗАРУБЕЖНЫХ ПОЭТОВ
В ПЕРЕВОДЕ**

МИХ. ЗЕНКЕВИЧА

М О С К В А   1 9 6 5

ПРЕДИСЛОВИЕ Н. ТИХОНОВА
РЕДАКТОР ВЫПУСКА П. АНТОКОЛЬСКИЙ

ПОЭТЫ XX ВЕКА

Редактор *Б. Шуплецов*
Художественный редактор *А. Купцов*
Технический редактор *М. Сафронович*
Корректор *Л. Б. Поль*

Сдано в производство 13/X 1964 г. Подписано в печать 6/II-1965 г.
Бумага 70x108¹/₃₂=2,5 бум. л.: 6,85 печ. л.: 5,4 уч.-изд. л. Изд.
№ 12/4800. Заказ № 580. Цена 30 коп. (Темплан 1965 г. № 913)

Издательство «Прогресс». Москва, Зубовский бульвар, 21
Московская типография № 20 Главполиграфпрома Государственного
комитета Совета Министров СССР по печати. Москва, 1-й Риж-
ский пер., 2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наше время богато необыкновенными открытиями во всех областях науки и техники. Радио и телевидение способствуют тому, что событие, происшедшее в любом уголке мира, становится одновременно известным и даже видимым во многих близких и далеких странах.

Культурные связи между народами выросли и все расширяются. Многочисленные встречи представителей искусства и литературы служат взаимному ознакомлению с новыми достижениями театра и кино. Книги известных прозаиков переводятся на все языки.

Но есть область, которая далеко не так известна, как она того заслуживает. Это — поэзия. Перевод стихов представляет определенные трудности. Прозу переводить значительно легче. Поэтому имена многих зарубежных поэтов стали широко известны только в самое последнее время благодаря постоянному, упорному, внимательному труду наших советских переводчиков.

Еще совсем недавно советский читатель получал новые переводы классиков западной поэзии, восполняя пробелы, существовавшие в этой области. Но теперь большой отряд на-

ших переводчиков занялся переводами поэтов двадцатого века, наших современников, и сразу много новых имен появилось перед нами.

Издательство иностранной литературы начало, а издательство «Прогресс» продолжает выпуск серии «Мастера поэтического перевода». Это очень нужное дело, полезное как для читателей, так и для переводчиков. Отбор лучших переводов дает широкому читателю возможность ощутить поэта в полной мере его поэтических достоинств.

Кроме того, в каждом таком сборнике читатель увидит и силу мастера-переводчика. Эти примеры лучших работ послужат на пользу всем переводчикам как пособие в их трудной и сложной работе.

Кардинальный вопрос заключается в максимальном приближении к оригиналу. Тут могут возникнуть непреодолимые трудности. Из-за этих трудностей, например, за границей Маяковского вообще переводят без рифмы, без его грохочущей, живописной, ярко окрашенной рифмы. Но даже простое соблюдение формальных сторон переводимого стихотворения не может дать внутренней силы, тонкого рисунка, который при переводе заменяется только передачей смысла.

Подтекст, существующий в стихотворении, как подводное течение, легко теряется, если не приняты во внимание главные черты поэтического характера переводимого поэта. Поэтому иные переводные стихи полюбили русскому читателю и стали жить в нашей поэзии из поколения в поколение, иные же не нашли такого верного и внутренне богатого перенесения на наш язык.

В настоящее время переводчики, как правило, стремятся передать дух произведения, соблюдая абсолютную точность там, где это возможно, то есть точность образа, размера, эпитета, а главным образом творческие особенности поэта.

Сборники, выпускаемые издательством «Прогресс», должны познакомить любителей поэзии с творчеством мастеров поэтического перевода. Уже вышли сборники Д. Самойлова и Л. Мартынова.

В настоящем сборнике — «Поэты двадцатого века» — собраны переводы Михаила Зенкевича.

Михаил Зенкевич, большой русский поэт, человек высокой поэтической культуры, знаток мировой поэзии, является одним из основателей советской школы поэтического перевода. За многие годы своей литературной деятельности он дал замечательные образцы переводческого искусства.

Известны его переводы из Гюго, Шекспира, Уитмена, Негоша, Прешерна, Фрейлиграта и др. Он переводил также современных поэтов Европы и США.

В настоящем сборнике собраны главным образом переводы поэтов, пишущих на английском языке. Но эти поэты очень отличны друг от друга. Не говоря о том, что созданные ими произведения написаны на разных материках — в Европе, в Австралии, в Южной Африке, они разнообразны по темам, по поэтическому стилю, по жанрам. Богато представлены и современные поэты США.

Для того чтобы проникнуть в этот пестрый, сложный, драматический мир, переводчику надо было глубоко войти в самую сущность явлений, породивших такие несхожие произведения, как лирические или описательные стихотворения и стихи большого политического значения.

Здесь звучат самые резкие голоса, призывающие к борьбе за справедливость, за свободу, против неравенства и социального угнетения, печальные надписи надгробий, грустные блюзы, гневные баллады, голоса отчаяния, одиночества, жажды жизни, голоса иронии и сарказма.

Отбор этих поэтов дал возможность переводчику развернуть перед читателем широкую картину мира, который пытаются понять и объяснить поэты Запада, наши современники.

Здесь поэты среднего поколения и старики, вплоть до поэта-патриарха — недавно умершего Роберта Фроста.

В этой книге читатель найдет стихи французского поэта Гийома Аполлинера, которые, предшествуя стихам английских поэтов, открывают цикл стихов, посвященных первой мировой войне.

Книгу включает перевод «Плача по Игнасьо Санчесу Мехиасу», знаменитому испанскому тореадору. Это стихотворение Федерико Гарсиа Лорки как бы подчеркивает богатство переводческого таланта Михаила Зенкевича, оно переносит нас от картин современной Америки в совершенно другой пейзаж, в другой колорит, в другой словесный строй.

Перед читателем проходит целая галерея портретов людей западного мира с их страстями, печалью, надеждами, устремлениями. Тут и искушенные старые колонизаторы, и угнетенные жители колоний, и первые создатели Австралии, и рабочие американских городов, и фермеры, и негры.

Эта книга переводов — книга большого звучания, в ней сосредоточены самые глубокие, самые искренние искания, чувства и мысли поэтов, представляющих передовой отряд современного западного общества. Среди сомнений и острых, мучительных переживаний мы видим и гроздь гнева, и молнии грядущей бури.

Велик труд переводчика. Тут мы убеждаемся, переходя от стихотворения к стихотворению, каких усилий стоило мастеру, войдя в новую поэтическую обстановку, передать ее краски и чувства, не искажая их и сохраняя всю жизнь произведения, созданного в далеком от нас мире.

Только поэт советский, поэт с громадным кругозором, с огромными знаниями, с нашим пониманием социальных явлений, с опытом знатока западной поэзии, мог так всесторонне охватить творчество таких несхожих, таких далеких друг от друга поэтов.

Михаил Зенкевич, как мастер большой поэзии, любит стихи своих западных собратьев и поэтому мучается их болью, загорается их азартом борьбы, входит в эти строки, как будто сам пишет их заново.

Это ощущение совершенно необходимо для переводчика. Поэтому-то весь сборник живет цельной, насыщенной большими человеческими радостями и печальями жизнью, поэтому-то он звучит по-русски как яркая, многообразная антология, дающая представление о том, как пишут, о чем думают, куда ведут настоящие, большие поэты Англии, Австралии, США.

Николай Тихонов

ИЗ ФРАНЦУЗСКИХ ПОЭТОВ

Гийом Аполлинер

(1880—1918)

Небольшой автомобиль *

31 августа 1914 года
Я выехал из Довилля около полуночи
В небольшом автомобиле Рувейра

Вместе с шофером нас было трое

Мы прощались с целой эпохой
Бешеные гиганты наступали на Европу
Орлы взлетали с гнезд в ожидании солнца
Хищные рыбы выплывали из бездн
Народы стекались познать друг друга
Мертвецы от ужаса содрогались в могилах

Собаки выли в сторону фронта
Я чувствовал в себе все сражающиеся армии
Все области по которым они змеились
Леса и мирные села Бельгии
Франкоршан с Красной Водой и павлинами —

* В переводе соблюдено характерное для стихов Аполлинера отсутствие обычной пунктуации, из которой он сохранял, и то не всегда, только точку.

Область откуда шло наступленье
Железные артерии по которым спешившие
Умирать приветствовали радость жизни
Океанские глубины где чудовища
Шевелились в обломках кораблекрушений
Страшные высоты где человек
Парил выше чем орлы
Где человек сражался с человеком
И вдруг низвергался падучей звездой

Я чувствовал что во мне новые существа
Воздвигали постройку нового мира
И какой-то щедрый великан
Устраивал изумительно роскошную выставку
И пастухи-гиганты гнали
Огромные немые стада щипавшие слова

А на них по пути лаяли все собаки
И когда проехав после полудня
Фонтенбло
Мы прибыли в Париж
Где уже расклеивали приказ о мобилизации
Мы поняли оба мой товарищ и я
Что небольшой автомобиль привез нас в Новую
Эпоху
И что нам хотя мы и взрослые
Предстоит родиться снова.

Закалка

К деревне не спеша пробраться
Четыре бомбардира шли
Год призывной у всех шестнадцать
Все с головы до ног в пыли.

На мертвую равнину глядя
Всё вспоминали о былом
Не пригибались если сзади
Откашливался глухо гром.

И в юношеском разговоре
О прошлом чудилась игра
Перекидная траекторий
Что их учила умирать.

ИЗ АНГЛИЙСКИХ ПОЭТОВ

Томас Гарди

(1840—1928)

Рождество 1924 года

«Мир на земле!» — под благовест и звон
Поет попов наемных миллион.
За тысячу девятьсот лет молитв
Мы получили газ для новых битв.

Человек, которого он убил

«Когда бы встретил я
Такого паренька,
Мы сели б рядом, как друзья,
За столик кабачка.

В сраженьи, как солдат,
Его я повстречал
И, выпустив в него заряд,
Ухлопал наповал.

Да, я убил его
За то, что он мой враг,
Не правда ль — только и всего,
Ведь это ясно так.

Наверно, тяжело
Он без работы жил,
Как я, продавши барахло,
В солдаты поступил.

Да, такова война!
Тех убиваем мы,
Кому бы поднесли вина
Иль дали бы займы».

«Кто роет там на моей могиле?»

«Кто роет там на моей могиле?
Мой милый, любви загробной верь!»

— О нет: женился он вчера,
Взял много всякого добра,
Сказал — забыть ее пора,
Ей все равно теперь!

«Кто ж роет там на моей могиле?
Цветы сажают родные мои?»

— Нет, не они, вот их слова:
«Зачем цветы ей и трава,
Ведь все равно она мертва,
Не чувствует любви!»

«Кто ж подрывает мою могилу?
Не моя ли соперница со зла?»

— Нет, не придет она сюда,
Забыта прежняя вражда
К той, что от жизни навсегда
В могильный мрак ушла.

«Кто ж подрывает мою могилу?
Кто это скребет и роет там?»

— Хозяйка добрая моя,
Собачка ваша, это я
Подрыла насыпи края
И помешала вам.

«Собака роет мою могилу.
Бедняжка тоскует, меня любя...
Ты мне осталась всех верней,
Ты посрамила всех людей
Собачьей верностью своей!
Благодарю тебя».

— Хозяйка, подрыла я вашу могилу.
Простите меня за это, увы!
Бежала мимо я как раз
И кость зарыла про запас,
Забыв, что потревожу вас,
Что здесь лежите вы.

Черный дрозд

По роще мертвой я бродил
В морозном полумраке,
И солнце зимнее без сил
Мерцало, словно факел.

Все жались дома к очагам,
Лишь ветер бесприютный,
С ветвей срывая пестрый хлам,
Их рвал, как струны лютни.

Был острый лик земли суров
Под прелью увяданья,
И облака — ее покров,
А ветер — отпеванье.
Зародыши во тьме тая,
Жизнь замерла в покое.
И в безнадежности, как я,
Томилось все живое.

Но вдруг над головой моей
Раздался чистый голос,
Как будто радость майских дней
Лучами раскололась.
Облезлый, старый черный дрозд,
От холода весь съежась,
Запел при блеске первых звезд
Так звонко, не тревожась.

Все было пасмурно кругом,
Печаль во всем сказалась,
И радость в сумраке таком
Мне странной показалась, —
Как будто в песне той, без слов
Доходчивой и внятной,
Звучал какой-то светлый зов,
Еще мне непонятный.

После меня

Когда за мной навсегда жизнь занавес черный опустит
И первого майского листика тонкий овал
Из почки душистой взлетит, — то скажет ли кто без

грусти:
«Он это любил и внимательно так подмечал?»

Увидев, как ястреб большой, с тенями вечерними схожий,
Над темной горой покружив, осторожен и смел,
Садится в терновник густой, — быть может, вспомнит

прохожий:
«На это и он не раз, любуясь, смотрел».

Во мраке теплом, когда мотыльки налетают на пламя
И еж боязливо петлит на лужайке след,
Вдруг кто-нибудь скажет: «С такими безвредными

существами
Любовно он обращался, теперь его нет».

Услышав, что я опочил, пришедшие вечером поздно,
Снаружи толпясь у моих открытых дверей,
Подумают вдруг, поглядев в небесный простор

многозвездный:
«Как часто к звездам стремился он мыслью своей».

Кто скажет, когда для меня ударит час отпущенья,
И ветер вдруг заглушит загудевший металл,
И колокол вновь загремит прибором гулким гуденья:

«Теперь он не слышит, но все это он подмечал?»

Ричард Олдингтон

(1892—1962)

Детство

I

Горечь, скудность, убожество детства
Отвратили меня от любви к богу,
Я не верю в его доброту;
Я могу верить
Во множество мстящих богов.
Больше всего я верю
В богов горькой скуки,
Жестоких местных божков,
Иссушивших мое детство.

II

Я видел, как прячут
Куколку в спичечную коробку —
«Посмотреть, какой выведется бражник!»
Но когда он пробьет оболочку,
То будет биться о стены тюрьмы,
Пытаясь выбраться на свет,
Чтобы расправить свои крылья.

Так было со мной:
Кто-то нашел мою куколку
И спрятал в спичечную коробку.
Мои сжатые крылья бились
И осыпали цветную пыльцу,
Прежде чем открыли коробку,
Чтоб выпустить бабочку.
Но уже было поздно,
Ибо вся красота, открытая с рождением,
Ссыпалась с меня, как пыльца.

III

Я ненавижу тот город.
Ненавижу город, где жил в детстве;
Ненавижу память о нем.
Там всегда были тучи, дым, дождь,
В этой мрачной долине.
Дождь, непрерывный дождь.
Кажется, я не видел солнца до девяти л е т , —
А это уже поздно;
Все поздно после первых семи лет.

Длинная улица, где мы жили,
Была как сточная канава
И такая же грязная.
На ней стоял большой колледж
И псевдоготическая ратуша.
Там были захолустные жалкие лавки —
Бакалеи и лавки для женщин,
Лавка, где я покупал переводные картинки,
Магазин роялей и граммофонов,

Перед которым я часто стоял,
Зачарован блеском пианино и портретом
Белой собаки, глазеющей в граммофон.

Как все было скучно, серо, грязно и жалко!
В дождливые дни — там всегда шел дождь —
Я становился на колени на стул
И смотрел на улицу из окна.
Грязные желтые трамваи
Тащились шумно по ней
С грохотом колес и звонков
И гулом проводов наверху.
Лужи выплескивались из выбоин
И снова стекались назад,
Пузырясь коричневой пеной.

Там не на что было смотреть,
Все было так скучно, —
Серые ноги под черными зонтами
Пробегали по серым тротуарам;
Иногда громыхал фургон
И лошади отбивали копытами
Странный пустой звук
В молчаливом дожде.

Там был серый музей
С мертвыми птицами, насекомыми, животными
И реликвиями римлян — тоже мертвых.
Там была набережная —
Асфальтовый променад и мостовая,
Три мола, ряд домов
И тухло-соленый запах гавани.

Я жил, как бражник,
Как одна из этих серых пифий,
Порхающих по виноградникам Капри.
Проклятый городишко был моей спичечной коробкой,
И я бился о его стенки,
Пока мои крылья не потускнели,
Как этот проклятый городишко.

IV

В школе было так же скучно, как на Главной улице.
Меня обучали косому письму,
Я хотел быть один, хоть и был ребенком,
Один, вдали от дождя, серости, скуки,
Где-нибудь далеко.
Город был скучен:
Набережная скучна,
Главная и другая улицы скучны, —
Помнится, был там и парк,
Такой же дьявольски скучный,
С геранями, которых нельзя было рвать,
С подстриженными лужайками, где нельзя было играть,
С прудом золотых рыбок, где нельзя было кататься
на лодке,
С воротами из китовых челюстей,
С качелями для «детей из городской школы»
И с дорожками из гравия.

По воскресеньям гудели колокола
Баптистских, евангелических, католических церквей;
Там была и Армия спасения.

Меня водили в Высокую церковь*;
Фамилия пастора была Моубрэй.
«Хорошая фамилия, но он чересчур ею кичится», —
Так говорили о нем.
Я носил с собою черную книжку
В эту холодную сырую церковь
И сидел на жесткой скамье,
Вставал, когда пели псалмы,
Становился на колени, когда молились, —
А потом от скуки строил
Поезда из молитвенников.
Там не на что было смотреть,
Нечего делать,
Не с чем играть,
Только наверху в пустой комнате
В большом жестяном ящике
Хранились снимки Великой хартии,
И Декларации независимости,
И одного письма Рали после Армады.

Там были коллекции марок —
Желтые, голубые попугаи из Гватемалы,
Голубые олени, рыжие павианы и птицы
из Саравака,
Индейцы и корабли
Из Соединенных Штатов
И зеленые и красные портреты

* Высокая церковь — часть англиканской церкви, соблюдающая римско-католические обряды.

Короля Франкоболло *
Из Италии.

Я не верю в бога.
Я верю в злобных богов,
Наказующих нас за чужие грехи
И мстящих нам.
Поэтому у меня не будет ребенка,
Я не положу куколку в спичечную коробку,
Чтоб бражник осыпал яркую пыльцу,
Ударясь крыльями о стенки тюрьмы.

Глухонемая скорбь

Пусть море истерзанными руками
Цепляется скорбно за берег
И стонет
Между утесом и мысом.
Пусть море кричит от горя
У песчаных отмелей и болот
И сжимает суда,
Срывая с них стальную обшивку
В бешеном гневе.
Пусть разбивает белые молы
В гавани города.
Пусть рыдает, хохочет и воеет
В дикой ярости,

* Франкоболло (*итал.*) — почтовая марка; надпись на старых марках воспринимается мальчиком как имя короля.

В белых брызгах соленых слез
На искаженном лице.
О! Пусть море в безумьи
Бушует и бьется, колебля скалы, —
Ибо море — крик скорби.

Возлюбленная

Хотя у меня были друзья
И прекрасная любовь,
Но одну возлюбленную я жду.
Она придет ко мне
Не весной, когда сливы в цвету,
И воздух звонок от птичьего пенья,
И небо ласково-нежно;
Она явится
В кликах ликования,
В ликах созвездий,
Кивая дымовым плюмажем
Со скачущих копей.

Нагнувшись, она подхватит меня
И сожмет в своих сильных объятьях,
Пронзив меня поцелуем, как раной,
Медленно кровоточащей.
Пусть поранит она меня сначала
В мощном восторге,
Вскоре она усыпит мою боль
И навеет на веки мне нежный сон,
Сон навеки.

Живые гробницы

Морозной ночью, когда орудья смолкли,
Я прислонился к окопу,
Готовя для себя хокку
Из месяца, цветов и снега.
Но прозрачная беготня огромных крыс,
Отъевшихся человеческим мясом,
Заставила меня съежиться от ужаса.

Окопная идиллия

Мы сидели в окопе,
Он — на глыбе мерзлой земли,
Навороченной вчерашним взрывом,
Я — на невзорвавшемся снаряде.

Мы курили, болтая, как ссыльные,
О том, как прекрасен Лондон,
Его женщины, рестораны, театры,
О том, как в этот час
Такси подвозят людей на обед...
Разговор перебил пулемет,
Сорвавший над нами бруствер.

Он сказал:

- Я здесь уж два года,
- И только раз при мне убили.
- Странно.
- Пуля пробила его горло:

Он повалился на банкет
И воскликнул: «Боже, убит!»
— Как это ужасно.
— Это что! Еще омерзительней было
Прошлый год на этом участке
Снимать ночью диски * с убитых,
Провисевших на проволоке полгода
Как раз вон там.
Самое скверное, что они
Распадались от прикосновенья.
Хорошо, что не видно было лиц,
На них были противогазы...
Я задрожал:
— Что-то холодно, давайте пойдем?

Огневая завеса

Грохот,
Топот несчетных валькирий, летящих в бой,
Взмахи орлиных крыл над Прометеем,
Битва богов, поражаемых молотом Тора!
Погоня! Погоня! Погоня!
Огромные черные псы преисподней,
Вгрызаясь, ринулись в смертный гон!

* Диск — металлическая бляха с номером, под которым записан поступивший в армию. По дискам устанавливалась личность убитых.

Бомбардировка

Четыре дня рвала и терзала землю,
Взрываясь, сталь.
Дома осыпались вокруг.
Три ночи мы не смыкали глаз,
В холодном поту слушая гул,
Возвещавший нам смерть.

На четвертую ночь все
В изнеможении от нервной пытки
Уснули, вздрагивая, бормоча
Под грохот тяжелых снарядов.
На пятый день настала тишина.
Мы вылезли из ям
И смотрели меж обломков,
Как белые облака беззвучно плыли
В невозмутимой синеве.

Интермедия

Есть передышка и в любви, когда
Стихают родовые схватки страсти...
Я жду,
Скользя по пенящимся гребням дней,
Как с бородой всклокоченной тритон
Лоснящийся, что вдруг среди волн увидел
Земную девушку нагую, в пене,
И, забывши сразу обо всем,
Спешит к ней, радуясь любви внезапной.

И в этот миг погони я живу.
Пускай волна, крутясь водоворотом,
Меня окровавленного швыряет
И бездыханного — к ее ногам.
Я буду радоваться каждой ране,
Когда она прижмет меня к себе,
В уста любовь вдыхая и волнуя
Ту кровь, которую я лью от страсти,
Во мне пульсирующей от ее касаний.

Сомнения

I

Можем ли мы своим усилием
Отбросить этот враждебный мир,
Отрывающий нас от самих себя,
Как ребенка от чрева,
Как любовника от неверной груди?

Есть ли надежда?
Можем ли мы верить,
Что не в дикой извращенности,
Но в слепой жестокости
Тело терзает тело,
Душу отрывают от души?

Или нам отчаяться?
Бросить богам горький упрек,
Что их любимый дар —
Бесплодная ложь?

II

Песок поднимается вихрем,
Колет и душит нам тело,
Слепит и глушит наши чувства,
И мы не слышим
Рассыпчатого грохота волн,
Не видим солнечного света.
Но если б могли мы отбросить
Эту муку, эту угрозу
И взять от гор их мощь.
И может одиночество
Угрозой встретить угрозу,
Крушить бронзу бронзой, —
Тогда б — словно стройный бог,
Стряхнувший вековую апатию,
Взял в руки тонкий рог месяца
И, приложив к губам,
Развеял пронзительно-дикие ноты,
По каким наши сердца, одинокие сердца
Истомились в глухом холодном молчаньи.

III

Ах! Мы мягки, как воск, пред этой бронзой.
Ах! Зыбки мы, как тростники в прибое,
Гонимы бурей, словно птицы в море.

Сигфрид Сассун

(род. в 1886 г.)

В тылу

С одышкой, с лысиной, одутловат,
Я жил бы среди штабных героев тыла
И гнал бы в бой измученных солдат,
В отеле лучшем сидя среди бутылок
С газетой, попивая и жуя,
Читал бы список павших. «Бедный малый...
Его отца знал когда-то я;
Да, понесли и мы потерь немало.
И я вернулся б невредимым с бойни,
В постели дома умер бы спокойно.

В блиндаже

Что ты лежишь и ноги так раскинул
И почему одной рукой обвит
Твой бледный лоб? В мерцанье стеаринном
Свечи оплывшей страшен мне твой вид;
И я трясу тебя, схватив за плечи,
Но навзничь валишься ты, распростерт...
Ты слишком молод, чтоб уснуть навеки;
Когда ж ты спишь, мне кажется — ты мертв.

Самоубийство в окопах

Я одного солдата знал,
Он был веселый зубоскал
И ночью в крепком сне храпел,
А утром с жаворонкам пел.

Зимой, застряв в грязи траншей,
Без рома, среди крыс и вшей,
Он пулю в лоб себе пустил.
Никто о нем не говорил.

О вы, бегущие толпой
Приветствовать военный строй,
Не дай вам бог попасть в тот ад,
Где молодость и смех громят.

Славолюбие женщин

Вы любите нас на ролях героев,
Попавших в отпуск или в лазарет.
Отличья чтите вы, мираж построив,
Что в мужестве войны позора нет.
Мы пушечное мясо, и вы рады
Кровавой славой тешить мысль свою.
За храбрость нам сулите вы награды,
Венчая лавром тех, кто пал в бою.

Британцы ведь не могут «отступить»,
Когда вдруг в панике, ряды покинув,
Бегут по трупам, кровью опьянясь.

О, в грезах дремлющая немка-мать,
Пока носки вязала ты для сына,
Его лицо втоптали глубже в грязь!

Мемориальная доска

Сквайр гнал меня угрозою и лаской
На фронт (при лорде Дарби). Там сквозь ад
(У Пашендейля) брел я с перевязки,
Хромая, в свой окоп, как вдруг снаряд
В настил мостков ударил, и я в смрад
И грязь упал и сгинул в жиже вязкой.

Сквайр за обедней видит на стене
Мерцающее позолотой имя.
«Пал смертью славных» — это обо мне,
Оно стоит всех ниже под другими.
Два года, мучаясь в страде кровавой,
Во Франции за сквайра дрался я;
Был в отпуске, и вот судьба моя —
Какой еще желать мне большей славы?

Руперт Брук

(1887—1915)

Солдат

Когда в бою умру я на чужбине,
Считай, что уголок в чужих полях
Навек стал Англией, что там отныне
В чужой земле лежит английский прах.

Тот прах, что Англия, родив, вскормила,
Он аромат ее вдыхал весной,
Вода английских рек его омыла,
И закалил его английский зной.

И верь, что он бесследно не исчезнет,
Как искра, улетающая в вечность,
Что мысли Англии отдаст он, где бы
Он ни был погребен, — мечты и песни,
И смех застольный, и добросердечность
В дни мира под английским нашим небом.

Уилфред Оуэн

(1893—1918)

Часовой

Мы заняли пустой блиндаж, и боши
Устроили нам ад, снаряды в ряд
Ложились, но не пробивали бреши.
Дождь, водопадом сточным бурно пенясь,
Развел по пояс топь, и скоро грязь
Покрыла скользкой глиной скат ступенек.
Остаток воздуха был затхл, дымясь
От взрывов, и в нем прели испаренья
Тех, кто здесь жил, оставив испражнения,
А может, и тела...

Мы скрылись там
От взрывов, но один ворвался к нам,
Глаза и свечи погрузив в потемки.
И хлоп! бац! хлоп! Вдруг по ступенькам рухнул
В топь тухлую, в густой водоворот
Наш часовой; за ним ружье, осколки
Гранат германских, брызги нечистот.
Ожив, он плакал, как ребенок, слаб:
«О сэр, глаза! Я слеп! Ослеп! Ослеп!»
И я поднес свечу к глазам незрячим,
Сказав, что если брезжит свет пятном,
То он не слеп и все пройдет потом.

«Не вижу», — он рыдал и взглядом рачьим
Таращился. Его оставив там,
Другого я послал ему на смену,
Велел найти носилки непременно,
А сам пошел с обходом по постам.

Другие в рвоте кровью истекали,
Один же утонул в грязи и кале.
Все это кануло теперь во мрак.
Но одного я не забуду: как,
Прислушиваясь к стонам часового
И к стуку сломанных его зубов,
Когда снаряды падали и снова
По крыше били, сотрясая ров, —
Мы услышали крик его: «Сейчас
Я вижу свет!» Но свет давно погас.

Странная встреча

Мне снилось, что из боя, тьмой искуплен,
Спустился я в туннель, который вкраплен
И просверлен был войнами в граните.
Там спящие валялись, как гранаты,
Охвачены иль тлением, иль снами.
И вот, когда я поровнялся с ними,
Один вскочил, как бы узнав меня,
Благословляя словно и маня.
Его улыбка и застывший взгляд
Открыли мне, что я спустился в ад.
Лицо виденья брезжило угрюмо,
Хоть не было ни пушечного грома,

Ни крови, ни стенаний в полумраке.
«Мой друг, — сказал я, — нет причин для муки».
«Как! — молвил он. — А юность, что сгубили,
А безнадежность? Ведь надежды были
У нас одни; и я безумством мерил
Безумье красоты, разлитой в мире.
Она — не в темных взглядах томных гурий,
Бег времени не причинит ей горя,
И грусть ее не тяготит, как гири.
Моя бы радость многих веселила.
И скорбь моя в сердца б других вселила
То, что погибло. То, с чем сердце сжилось,
Как с правдой, и войны осадок — жалость.
И будут разрушеньями довольны
Иль выжмут кровь из них, как сок давили.
Ведь люди станут быстры, как тигрица,
В строю, когда народы будут грызться.
Я смелость знал и тайну с нею вместе;
Постиг я мудрость, и я стал как мастер;
Покинул мировое отступление
В тупик, куда загнало иступленье.
И если бы налипли крови слитки
К колесам их, то я водою сладкой
Омыл бы их из глуби скрытых истин.
Я б дух мой источал, чтоб их очистить,
Но не из ран: не раны здесь виною.
Кровоточим мы не одной войною.
Мой друг, я враг, тобой вчера убитый.
Твое лицо я узнаю как будто.
Ты так смотрел, когда я был заколот.
Я штык занес, но руки сжал мне холод.
Уснем же вместе...»

Dulce et decorum est...

Подобьями карги или хрыча,
Горбатясь, кашляя, в воде стоячей,
От вспышек взрывов, что рвались, рыча,
На дальний отдых мы плелись, как клячи.
Шли как во сне. Шли без сапог, хромя,
Сбив ноги. Шли, шагая не попад;
Усталые и даже не внимая
Глухому визгу газовых гранат.

«Газ! Газ! Живей, ребята!» Каждый в спешке
Напяливает свой противогаз,
Но кто-то дико завопил, замешкав,
Пошатываясь в пламени средь нас.
Сквозь стекла в отблеске зеленом марев
Я видел, как он бился, утопающий.
Не раз потом мне чудилось в кошмаре,
Как он захлебывался, утопающий.

И если б за повозкой ты шагал,
Где он лежал, бессильно распростертый,
И видел бельма и зубов оскал
На голове повисшей, полумертвой,
И слышал бы, как кровь струей свистящей
Из хриплых легких била при толчке,
Горькая, как ящур,
На изъязвленном газом языке, —
Мой друг, тебя бы не прельстила честь
Учить детей в воинственном задоре:
«Dulce et decorum est
pro patria mori» *.

* «Сладко и прекрасно умереть за отечество»
(Гораций, «Оды», III, 2, 13).

Отпевание обреченной юности

Где звон по павшим, словно скот на бойне?
Лишь рев чудовищный от канонад
Да пулеметы трескотней нестройной
Отходную им второпях твердят.
Колокола им не гудят издевкой,
Не слышно пенья, лишь свирепый хор
Снарядов завывает дикой спевкой
Да горны кличут их в пустой простор.

Какие свечи им осветят ров?
Не в их руках, а в отражении глаз
Вдруг вспыхнут огоньки в последний раз.
Бескровность лиц любимых — их покров.
Взамен цветов — немая нежность грусти,
И вечер шторы сумрачные спустит.

Весеннее наступление

Привал последний сделал у холма,
Поели и, улегшись поуютней,
Беспечно погрузились в сон минутный
Иль вдаль смотрели, где была нема
Черта предельная, — смотрели, зная,
Что здесь они стоят у края света.

И слушали, как, майским бризом свита
И спутана, гудит трава цветная.
Казалось, в вены их усталой плоти
Май впрыскивал целительный наркотик.

Но травяной простор давил их тяжело,
И небо ярко мрело, как стекло.

Они смотрели в теплые поля,
На луг, где золотой пылью лютик
Так нежно сапоги их опылял,
Где ежевика не колючкой лютой
Вцеплялась в них, а любящей рукой.
Они вдыхали травяной покой.

И вдруг одно лишь маленькое слово —
И тело сжалось, напряглось, готово
В бой ринуться. Не грянула фанфара,
Не взвилось знамя, не несло ура —
Один безмолвный взгляд в последний раз
На солнце, как на друга в час прощанья, —
И больше было в их глазах сиянья,
Чем в избыльи солнечных щедрот.

Чрез холм перевалив, судьбе доверяясь,
Они ступили на равнину, в вереск.
И сразу запылал весь небосвод,
Земля взметнула тысячами кубки,
Чтоб пить их кровь, и склон холма как будто
Под ними в бесконечность полетел.

О тех, кто пал на этой высоте
От пуль незримых иль ворвался скопом
Туда, где ад гремел, огнем обрушась, —
Уж сказано: они отдали души,
На землю не успев еще упасть.

Но что же скажут те, что мимо смерти
Прорвались невредимо сквозь все смерчи
В пределы ада, в яростную пасть
И, одолев всех демонов и пламя
Бесчеловечной яростью своей
И славными позорными делами,
Назад вернулись в тишину полей,
Прохладных, ароматами пропахших, —
Так что ж не говорят они про павших?

Эдвард Теннант

(1895—1916)

Садик в Ливанти

Зеленый садик в Ливанти!
Солдаты знают, как
По месиву дорог идти
На фронт сквозь дождь я мрак;
И вдруг деревья и трава из-за руин зовут
В зеленый свой уют.

Над церковью дрожащий шпиль,
Не взятый на прицел,
Среди камней, разбитых в пыль,
Случайно уцелел;
Без крыш два здания, и там взамен
одной стены
Кустарники видны.

Дорожка заросла травой;
На гравии желтел,
Никем не вытопан, густой
И сочный чистотел;
Здесь толькомышь, вдруг осмелев,
по сорняку тайком
Шмыгнет из дома в дом.

И на траве мы улеглись,
Лежали молча все,
А неумолчный стук колес
Лафетов на шоссе
Врывался в тихий уголок заброшенного сада,
Как будто канонада.

Так было радостно, легко
Лежать в шуршаньи трав,
Но мы нарушили покой
И, садик обыскав,
Нарциссы желтые и куст жасминовый один
Нашли среди руин.

Но из цветов, что я сорвал,
Что мы в саду нашли,
Душистей всех был волчий лавр
На горбике земли.
Как дети, радовались мы, что пахнет пряно куст,
Что цвет на нем так густ.

И вот, весною опьянясь,
Вдохнул я аромат,
И мысли вдруг пустились в пляс,
И песенный их лад
Унес меня от городов, разрушенных войной,
Далеко... в край родной.

Увидел я нарциссов блеск,
Пушок на тополях
И бурых зайцев у стеблей
На мартовских полях;
Луга, потоки, серебро спящих рыбьих стай
Родной, любимый край!

Чарлз Сорли

(1895—1915)

Вдоль холмов

Вдоль холмов земля вокруг
Огласилась песней вдруг.
С песнями идут вперед,
Всех их смерть, быть может, ждет.

Дружно, как один,
Гряньте эхом среди долин.
По земле развейте радость,
Если умереть вам надо!

Ведь земля без слез в цветах
Принимает мертвый прах...
Ведь земля не закрутит,
Если пуля вас сразит!

Отбивая шаг,
Пойте, встретить смерть спеша.
Пусть гремит оркестров медь,
С песней легче умереть!

Эхо по холмам, лесам
Вторит звонким голосам,
И под гулкий топот ног
Песня льется, как поток.
Ваша радостная песня
Эхом на земле воскреснет,
Если скроет темный ров
Гул шагов и голосов.

С песнями вперед!
Смерть открыла черный вход.
Вашу молодость и радость
По земле рассеять надо.
Пусть земля, отяжелев,
Принимает ваш посев.

Т. С. Элиот

(1888—1965)

Прелюдия

Густеет зимний вечер в ночь,
И запахи чадит жаркое.
Шесть часов.
Сожженье дымных дней такое.
И вот вам ноги обмотал
Дождливый шквал
Листою, сброшенною в грязь,
Газетами с пустых участков;
И бьет, струясь,
О ставни, трубы ливень частый.
А на углу стоит, дымясь,
Извозчичья худая кляча,
И фонари зажглись, маяча.

Рэпсодия о ветреной ночи

Двенадцать.
Вдоль протяжений улиц,
Связанных синтезом луны,
Лунные шепоты заклинанья
Рушат все настилы памяти,

Все ее ясные очертанья,
Все ее точные подразделения.
Каждый уличный встречный фонарь
Словно бьет в роковой барабан,
И сквозь пространства мрака
Полночь сотрясает память,
Как сумасшедший сухую герань.

Половина первого.
Уличный фонарь лопочет,
Уличный фонарь бормочет,
Фонарь говорит: «Вон там женщина
Тебя поджидает в свете двери,
Зияющей сзади нее, как оскал.
Ты видишь, что подол ее платья
Потрепан и испачкан в грязи.
Ты видишь, что угол ее глаза
Скручен, как булавка, крючком».

И память сухо швыряет вверх
Сотни скрученных вещей:
Скрученную ветвь на пляже,
Обглоданную волной дочиста,
Как будто бы выдал мир
Тайну своего скелета,
Напряженно-белого;
Пружину на фабричном дворе,
Ржавчина льнет к ней, лишенной силы
Напрягаться, сжимаясь и шелкая.

Половина второго,
Уличный фонарь говорит:

«Смотри, вон кошка в стоке погрязла,
Вылизывая языком
Комочек прогорклого масла».
Так ребенок в карман машинально
Подбирает на набережной игрушку.
Я вижу только его глаза.
Я видел на улице столько глаз,
Заглядывавших в освещенные ставни,
И помню старого краба в луже,
С разводами очков на спине,
Вклеившегося в мою трость.

Половина третьего.
Фонарь лопочет,
Фонарь бормочет в темноте.
Фонарь гудит:
«Взгляни на луну.
Она подмигивает слегка,
Она улыбается чуть-чуть,
Она гладит волосы трав.
Луна обеспамятела совсем.
Она не смоев оспин с лица
И скрутила розовую папильотку,
Пахнущую пылью и одеколоном.
Луна наедине
Со всеми запахами ночными,
Они витают и тают у ней в мозгу».
И в памяти всплыли
Бессолнечные сухие герани,
И пыль их трещин,
И запах каштанов с улиц,
И женский запах закрытых комнат,

И папиросный дым в коридорах,
И запах коктейля в барах.

Фонарь говорит:
«Четыре часа,
Вот номер на двери.
Вспомни,
Ключ у тебя.
На лестнице лампочка горит,
Поднимись!
Постель открыта; зубная щетка висит на стене,
Выставь ботинки за дверь, отоспись
для жизни лучше».

Ножа последняя скрученность.

Гиппопотам

Широкозадый гиппопотам
В трясине дна находит кров;
Хоть грозен кажется он нам —
Он только плоть и кровь.

Плоть и кровь слабы и хилы,
Их сотрясает нервный шок;
У истинной же церкви силы,
Ее воздвиг на камне бог.

Вещественная есть граница
У гиппо, он по ней бредет,
А церковь божья не ленится,
Приумножает свой доход.

И с древа манго плод богатый
Не может объесть потам:
А церковь — персики, гранаты
Заморские ест по постам.

Гиппо лишь во время течи
Ревет осипло без стыда,
А церкви божией овечки
С Христом общаются всегда.

Весь в спячке день гиппопотама,
А ночь в охоте голодна;
Бог бодрствует всегда над нами,
Питает церковь и средь сна.

Я видел, как 'потам в простор
Небес вознесся над саванной,
И ангелов незримый хор
Вокруг него гремел осанной.

Омытый агнца кровью чистой
И сам сверкая чистотой,
Воссядет он в их сонм лучистый,
Бренча на арфе золотой.

В омытый мукой дев одежде
Восстанет он, как снег светясь,
А церковь божья, как и прежде,
Одета будет в смрад и грязь.

Орел парит на вершине Неба

Орел парит на вершине Неба,
Стрелец со псами следит за его полетом.
О вечное круговращенье созвездий,
О вечная смена времен года,
Время весны и осени, рожденья и смерти!
Бесконечный цикл мыслей и действий,
Бесконечные изобретения, бесконечные опыты,
Они дают знание движения, но не покоя,
Знание речи, но не молчания,
Знание слов и незнание Слова,
Все знания приближают нас к незнанию,
А незнание приближает к смерти,
Но близость к смерти не приближает к Богу.
Где Жизнь, что мы, живя, потеряли?
Где мудрость, что мы потеряли в познаниях?
Где познание, что мы потеряли в сведениях?
Вращение Неба за двадцать столетий
Удалило от Бога и приблизило к Смерти.

Я приехал в Лондон, в деловое Сити,
Где на Темзе много судов иностранных.
И там мне сказали: у нас много церквей,
Но мало закусочных. Слишком много викариев,
Надо их сокращать. Не нужна людям Церковь
В местах их работы, нужна там, где проводят
они воскресенья.

В Сити не нужен звон колокольный,
Пусть будит он в пригородах прихожан.
Я поехал в пригороды, там мне сказали:

Мы работаем шесть дней, а на седьмой машины
Нас мчат в Хайндхед иль в Мэйденхед,
А в плохую погоду сидим дома, читаем газеты.
В промышленных пригородах обсуждали
Законы экономики.
Все местечки сельские были как будто
Созданы для одних пикников и гуляний.
Оказалась Церковь совсем ненужной
И в деревне, и в пригородах, а в городе
Нужной только для пышных свадеб.

Дилан Томас

(1914—1954)

Горбун в парке

Горбун по парку,
Одинокий сторож,
Среди деревьев бродит, озабочен
С утра, когда открывают доступ
К деревьям и воде, и вплоть до ночи,
Когда звонок закончит день неяркий.

Он черствый хлеб ест на газете просто
И воду пьет из кружки на цепи,
В нее швыряют дети гравий,
Пьет из бассейна, где плывет кораблик,
А ночью в конуре собачьей спит,
Хоть привязать его никто не вправе.

Он рано просыпается, как яблок,
Как озеро, спокоен на рассвете.
«Эй ты, горбун!» — кричат на дню сто раз
Безжалостные городские дети
И прочь бегут, когда он крик услышит,
Их топот — дальше, тише...
Дразня его и скрючив спину тоже,
Как будто с горбунами схожи,
Они бегут оравой голосистой

Среди зеленого простора,
И, отложив газету, сторож
Железной палкой подбирает листья.

Ночлежник конуры бредет быстрее
Средь нянек и озерных лебедей,
А дети убегают виновато
И с камня прыгают на камень,
Блестя глазами, как тигрята,
А рожицы синеют моряками.

Когда же опустеют все аллеи,
Там мраморная женщина, белея,
Встает перед фонтаном в темноте,
Показывая камня превосходство.
Как будто выпрямив горба уродство,
Она сияет в стройной нагоде.

А все деревья запертого сада,
Скамейки, пруд, запоры и ограда,
Вся детвора, вопившая так дико,
Невинная, в цвету, как земляника, —
Все возникает перед горбуном
В собачьей конуре неясным сном.

В октябре

В день моего тридцатилетия
Я был разбужен гаванью и ближним лесом,
Ракушками в песке и цаплей
На берегу,

Приветом утра,
И плеском волн, и криком чаек и грачей,
И стуком лодок о причал, запаутиненный сетями,
Я мигом встал
И вышел
В еще дремавший город и пошел.

Мой день рожденья был означен
Полетом птиц над морем и над ближним лесом,
Над фермами и лошадьми,
И я пошел
Сквозь день дождливый
Под ливень проливной всех дней моих прошедших,
Передо мной прилив отхлынул и взлетела цапля,
Я миновал
Ворота,
А сонный город только просыпался.

Звенели жаворонки в небе,
И черные дрозды в кустах вокруг свистели,
И ярко солнце октября,
По-летнему
Еще светило
Над склонами холма, и птицы звучно пели,
Когда я утром по холму бродил и слушал сверху,
Как дождь шумел
И ветер
Холодный завывал в лесу далеко.

Там под дождем тускнела гавань.
И церковь, как улитка, поднимала рожки,

Намокшею совою замок
Серел во мгле,
А здесь, под небом,
Звеневшим трелью жаворонков, было лето,
И все сады по-летнему цвели и зеленели,
И я свой день
Рожденья
Отпраздновал, а время повернулось.

Ушла безоблачная ясность
К другому воздуху и небу голубому,
С ней яблоки, смородина и груши,
Все чудеса
Былого лета,
И ясно я себя увидел вновь ребенком,
На утренней прогулке с матерью спешащим резво
В зеленый мир
Загадок,
Легенд волшебных солнечного света.

Я был в полях былого детства,
По-детски слезы щеки жгли и билось сердце,
Вокруг был лес, река и море,
И я шептал,
Как этот мальчик
Из прошлых лет, о правде радости своей,
Шептал деревьям, и камням, и рыбам средь прилива,
И песня тайн
Звучала
В журчании воды и в птичьем пеньи.

Я праздновал свой день рожденья,
И время повернулось, и под ярким солнцем
Мальчишеская радость детства

Запела вновь.

Мой год тридцатый

Вставал передо мной, как в небе полдень летний,
А город багровел внизу листвою октябрьской красной.

Пусть на холме

Высоком

Поет во мне и в осень правда сердца!

ИЗ ЮЖНОАФРИКАНСКИХ ПОЭТОВ

Рой Кэмпбелл

(род. в 1902 г.)

Зулуска

Когда поля под зноем мреют звонко
И бронзу кожи обливает пот,
Мотыгу отшвырнув, она ребенка
От мух жужжащих со спины берет.

И в тень несет, что разливают терны,
На тельце — от клещей пурпурный блеск,
И под ее ногтями волос черный
Шлет электрических разрядов треск.

И ротик на сосок ее намотан
И по-щенячьи чмокает слегка;
Она струит в него свою дремоту,
Как в камышах широкая река.

Он впитывает все, что в ней разъялось, —
Неукротимый зной пустынь глухих,
Племен разбитых скованную ярость
И величавую угрюмость их.

А мать над ним склоняется, маяча,
Как над деревней дремлющей гора,
Как туча, урожай из мглы горячей
Несущая в разливе серебра.

Теология павиана Бонгви

Луну, как я, встречая, в ой, —
Вот мудрость обезьян:
Бог, мне придавший образ свой, —
Великий Павиан.

Он искривляет лик луны,
Сгибает веток сеть,
И небеса ему даны,
Чтоб прыгать и висеть.

Качаясь в голубой глуши,
Свивая дивный хвост,
Для услаждения Души
Грызет он зерна звезд.

Меня возьмет Он в смертный миг
К себе из естества,
Чтоб до конца я Зло постиг
И Ловкость Божества.

Поэты в Африке

Пусть добряки пасутся, рады
Салат из лилий есть,
Свежующим слова в баллады,
Тебе и мне — плохая честь,
Сыпь звездная на темном небе,
Цветная оспа на земле, —
От немочей таких нигде бы
Тебе и мне не разомлеть.

И боль мы переносим молча,
Нет времени у нас
Заболевать разливом желчи,
Кичиться ею напоказ.
Ведь мы в пустыне, где Природа
К поэзии добра на вид,
Не терпит зелень огорода
И ею волю не смягчит.

Здесь медь и купорос безбрежный
Целит глазную слизь,
Чтобы восторженности нежной
Личинки в ней не завелись.
Пускай дупло нам портит зубы
И кровянит волдырь язык,
Наш мозг в огне: ведь правдой грубой
Тарантул нас кусать привык.

Погружены в мороз иммунный,
Как саламандра в спирт,
Не разведем мы ночью лунной
С луной слезливо-томный флирт.
Пусть звонко лягушиным скопом
Поэты квакают о ней,
Но мы стихов не рассиропим
От патоки ее лучей.

Наш повар — солнце — жарит в кухне,
И на огне небес.
Лишайник в скалах пеной пухнет,
Поэту он — деликатес.
Его пьем, как лекарство, все мы,
Он лечит от земных корост,

От мокнушей в цветах экземы,
От золотушной сыпи звезд, —

Мозги со слабою клетчаткой
Разъест их нежный зуд,
Колониальною и сладкой
Дешевкою они цветут,
Порхают мотыльком по росам
Иль, выискав защитный цвет,
Там повисают, как опоссум,
Как будто бы их вовсе нет.

Вся фауна пустыни духа
Приветствует наш путь
И крадется за нами глухо,
Чтобы, играючи, скакнуть.
И коршун Жалость, взмыв в просторы,
Кружит, роняя хрипый крик,
И — к Ближнему Любовь — матерый
И старый волк ощерил клык.
Мы, не смущаясь, топчем дерны,
Идем по ним вперед,
Когда истерикою вздорной
Кровь Авеля ввысь вопиет
И воеет в своды синей гущи,
Где в пустоте кружится так
Не бог, создатель всемогущий,
А ископаемый костяк.

Хотя и скрещены с культурой,
Мы — Африки сыны,
Как волк ее и коршун бурый,

Туземны, дики и вольны.
Хотя нам света и не застит
Мигательною пленкой дым
И мы награждены, к несчастью,
Проклятым зрением двойным,

Но, вопль тот к небу вновь услыша,
Что в юности томил,
В опасности мы станем выше,
И правды яд нам будет мил.
И там, где мысли ход бессилен
Сверлить бараньи эти лбы,
Скамандром мчим мы в глубь извилин
Наносы красные борьбы.

Когда луна встает кроваво
И пьет наш мозг, светла,
Тогда и мы имеем право
Встать от рабочего стола.
Пращами катапульт мы вместе
Бьем в стену каменным ядром,
Но в гуле временной их мести
Грохочет Будущего гром.

Ведь мы не скроем сердца раны
И встанем под прицел,
Как близнецы Себастианы
В колючем панцире из стрел.
Когда такой наряд получишь
И станешь словно дикобраз,
Кто ошестинит иглы лучше,
В кровь размалеван напоказ?

ИЗ АВСТРАЛИЙСКИХ ПОЭТОВ

Генри Лоусон

(1867—1922)

Создатели Австралии

*(Написано по случаю
королевского посещения Австралии в 1901 году)*

Будут полисмены в Сидни бить, за шиворот хватать,
Будут льстиво и слюняво речь тянуть
Австралийские владельцы — им страны своей не знать,
Им на карте не отметить новый путь.
Будут подличать газеты, лгать наглее, чем всегда,
Будут праздничные флаги и салют,
И поэт чиновный будет льстить стихами без стыда, —
Но создатели Австралии не придут.

Встретите вы леди с мужем — новоиспеченный лорд
(показаться англичанкой лестно ей!), —
Выступит болтун оратор, пустословьем звонким горд,
Запыхтит собрание местных богачей.
Будут манекены флота, каждый раздушен, обрит,
Чтоб Австралию представить в эти дни.
Будут шаркуны и франты в экипажах с Даунинг-стрит,
Но создатели Австралии — где они?

Бросьте клич в сухие степи, в глубь пустынь материка!
Не получите ответа вы от них.
Шли, от жажды умирая, смельчаки издавека,

Кости их в песках белеют огневых.
С лошадей они слетали, и бодали их быки,
Многих бурные потоки унесли.
Бредили они от жара, спирт глушили от тоски,
Чтоб жирели Шерстяные Короли.
Бросьте клич на краж бесплодный, в край, где фермеры живут!

Жены трудятся с мужьями наравне,
Бесконечны их лишения и упорный тяжкий труд,
Голод засуха приносит их стране!
Если б чрез пески, кустарник, пастбища овечьих стад
Ваш призыв на дальний Запад долетел, —
Покорители пустыни слушать вас не захотят,
Ведь у них и днем и ночью уйма дел.

Нужно с овцами скитаться по равнине пыльной в зной,
Чтобы прокормить семейство кое-как,
Нужно стадо караулить ночью в ливень ледяной
И не спать, когда на веки давит мрак.
Дальше вглубь еще пустынной — засухой поражены
Овцеводческие фермы средь равнин.
Там не встретишь белых женщин, не найдешь себе жены,
Там подругу заменяет черный джин!

Трудно фермерам несчастным скот спасти от падежа,
Если засуха в округе все сожгла.
Суховой песчаный дует, и струится зной, дрожа,
А глаза слепит и больно колет мгла.

Если ж от дождей обильных буйно травы в рост пошли,
Будет много шерсти — только мал доход,
Ведь в Париж кутить поедут Шерстяные Короли,
К ним все золото в карманы утечет!

Щеголям заокеанским там в дворцах прием готов:
В стиле лондонском банкеты и балы, —
Здесь же чаем солонину запивают у костров,
Пресную лепешку вынув из золы.
Покорители пустыни ждут наперекор судьбе,
Смотрят зоркими глазами вдаль, вперед.
Каждый труженик другому — брат, товарищ по борьбе,
Путь в грядущее проложит наш народ!

В городах кричат о славе чуждой им родной страны,
Пусты речи их, как это торжество.
Но создатели Австралии тесно объединены,
И в борьбе они добьются своего.
Спят они на жестких койках, на земле, где скот пасут,
Служит им полгода крышей небосвод.
Там людей немало стойких, и страну они спасут,
Править родиной приходит их черед.

На закате из пустыни, где вечерний бриз затих,
Слышен странный смутный шепот из кустов,
Шум от берегов Лаклана, то не ропот волн речных,
То Австралии встающей слышен зов!
Это гимн ночной оттуда, где твердеет камнем ил
В руслах речек, пересохших без дождя,
Это мертвые взывают — из могил и без могил, —
Чтоб воспрянули живые, в бой пойдя.

У костров, где скотоводы пред загонами не спят,
В хижинах у русл, где в лужах сохнет грязь,
Там, на Западе, где скачут пастухи несчетных стад, —
Люди говорят всю правду, не боясь.
Там какой-нибудь стригальщик, изнуренный и худой,

Призывает к выступленью бедный люд,
Там, где носят сковородку, котелок, бурдюк с водой,
Будущее наших Штатов создают!

Свобода в скитаниях

Как безработный с узелком,
Бредет Свобода мирно.
Ее призыв нам всем знаком
В Австралии обширной.
Она зажжет костер большой
И, не считаясь с рангом,
Тиранов всех сметет долой
Могучим бумерангом!

Был горек хлеб отцов в нужде,
Хотя богатств немало,
Но им в одежде и в еде
Отчизна отказала.
Покинув родину свою,
(Кто ссыльный, а кто вольный)
Они нашли в чужом краю
Себе простор привольный.

Не для Свободы — роскошь, блеск,
Придворные регалии,
Ей по душе колючий лес
И пастбища Австралии.
Но ей и здесь не повезло:
Увы, в отчизне новой

Покинутое дома зло
Готовит ей оковы.

Отцы здесь воздвигали дом,
Копали, корчевали,
Без лордов все своим трудом
Упорно создавали.
Когда ж мы вырастили сад
В стране обетованной,
То землю вновь отнять хотят
Заморские тираны.

Мы подадим пример другим,
Подняв восстанья знамя,
И дружный хор подхватит гимн
Свободы вместе с нами.
Мы отстоим свою страну,
Сумеем защищаться,
Пусть не поставят нам в вину
Кровь на шипах акаций!

ИЗ АМЕРИКАНСКИХ ПОЭТОВ

Эдвин Арлингтон Робинсон

(1869—1935)

Клондайк

Что нам день расставанья, когда женщины висли на нас?
Нам важен лишь путь последний, куда проводили нас.
Не все ль равно: ушло двенадцать среди приветствий,
Двенадцать или один, — скоро будет одно и то же.
Мы знаем: нас пятеро идет сквозь снег и ветер,
Пять из двенадцати к реке золотой на север.

Мы далеко зашли, здесь хватит места для всех нас,
Так далеко, что здесь ляжет последний из нас.
Мы ведь передовые, мы вышли слишком рано,
В наших глазах сияла уверенность в победе;
Ложным путем пошли двенадцать в снег и ветер
С песней к дьявольской реке золотой на север.

Пусть не для нас тот блеск, но мы стремились к нему;
Пусть был ложен путь, когда мы пошли по нему.
Но мы ведь передовые и ко всему готовы,
И даже здесь погибая, мы все ж передовые;
Мы знаем одно в эту ночь: двенадцать в снег и ветер
Гибнут на ложном пути к реке золотой на север.

Ложном — но нет! Сперва послушайте вот его,
Он лучше знает и скажет, — если слушать его, —
Снежной слячке поддался он больше, чем остальные.
Вот он встает, шатаясь, видно, пришел в сознание.
Руки и ноги — как лед; мозг — как сполохов веер.
Держит он речь к нам и к реке золотой на север.

Он говорит: «Теки, но тебе не утечь от нас.
Льды всего мира тебя не заградят от нас.
Каждый, познав твой зов, к тебе идет неизбежно,
Идет своим путем, живет одним стремленьем,
Ставка на жизнь идет, и река течет на север.
Есть ли золото, нет ли — двенадцать идут сквозь снег

и ветер.

Двенадцать, — он говорит, — ты заманила их.
Устье, твое название — вот что прельстило их.
Двенадцать свой городишко оставили на закате,
Покинули скуку улиц, унылость серых дней;
Двенадцать отправились в путь на поиски золота,
Вынув студеный жребий, поставив жизнь на желтое.

Теки ж ночью и днем, невидимая для них,
Замерзай, вскрывайся, пусть время гложет кости их;
Смывай их имена, пусть все о них забудут,
Пусть старенький городишко крошится в полусне,
Пусть он крошится, сияя в долине на прежнем месте,
И пусть выходят замуж и вдовы и невесты.

Двенадцать нас иль пять, но мы знаем, что ночь сейчас.
Осталось нас пять, но мы думаем одно сейчас:
Останется ль пять в живых, когда рассвет наступит,
Или мы все погибнем, — ставка не пропадет.

И наяву и во сне идем сквозь снег и ветер:
Игра идет до конца, и река течет на север.

Свершили ль мы что-нибудь или не могли свершить, —
Жизнь будет жить и мир сумеет, что нужно, свершить.
Тот, кто за нами пойдет, затаив глубоко
Зов предостереженья друзей и близких,
Льдистым ножом пронзит любовь в своем сердце, поверив
В твой призыв, и пойдет к реке золотой на север».

Слышали, что он сказал, — последнее слово его?
Теперь он хочет уснуть, это — лучшее для него.
Оставьте его в покое и не трясите его.
Придет и ваш черед, пусть он спит спокойно.
Мы знаем: сгрудились здесь привалом в снег и ветер
Руки, ноги, сердца — к реке золотой на север.

Что быстролетней сна? Не глядите в глаза ему.
Нужно скорее пальцем веки закрыть ему.
Ты, сосед слева, приподнимись немного —
Скрой от него звезды, чтоб он их не видел ночью:
Не то проглядит всю ночь, увидит их и завтра —
Россыпь в морозном небе, тускло-желтое утро.

Что ж ты не привстанешь звезды скрыть от него?
Он не может подняться — какой толк от него?
Что до двенадцати нам и что нам до женщин!
Теперь нас осталось трое; и мы пойдем втроем.
От голода умирая, каждый в снег и ветер
Прокладывает свой путь к реке золотой на север.

Вечеринка мистера Флада

Однажды ночью старый Эбен Флад
Пошел один пройтись путем знакомым
На холм, вздымавший свой кремнистый скат
Над городом и тем, что звал он домом.
Под полною луною на холме
Он на пустынную дорогу вышел
И вслух сказал — ведь город спал во тьме
И в Тильбюри его никто не слышал:

«Ну, мистер Флад, к концу подходит год,
Луна сентябрьская над урожаем,
И птицы собираются в отлет.
Счастливого пути им пожелаем.
За птиц мы выпьем». И, подняв кувшин,
Что долго нес, чтоб осушить глотками,
Ответил хрипло: «Что ж, глоток один
Я, мистер Флад, охотно выпью с вами».

Так, видя только мертвых вокруг себя,
В броне надежд разбитых он в тумане
Стоял, как призрачный Роланд, трубя
В беззвучный рог своих воспоминаний.
И чудился ему ответный зов
Из города внизу, с пустынных улиц,
Приветствия умолкших голосов,
Как будто старые друзья вернулись.

И как заснувшего ребенка мать
В постельку, так кувшин на полог млечный
Он опустил — нельзя ведь забывать,

Что вещи хрупки и недолговечны.
Удостоверившись, что на земле
Кувшин стоит надежней многих жизней,
И руку протянувши в лунной мгле,
Сказал он громко, словно с укоризной:

«Да, мистер Флад. Давненько мы вдвоем
Не пили вместе. Кончилась разлука.
Добро пожаловать в родной свой дом!
Теперь давайте выпьем друг за друга!»
И снова, будто чокаясь, к луне
Кувшин с земли поднял рукой усталой
И сам себе ответил в тишине:
«Ну что ж, еще раз выпью я, пожалуй!»

Но больше не просите, мистер Флад, —
«Ведь так давно...» — Довольно, сэр, довольно». —
Да, прошлого нельзя вернуть назад,
И Эбен согласился с ним невольно.
И вдруг запел средь лунной тишины.
Огромный диск в воде дробился, светел;
Внимали пенью только две луны,
И сумрак эхом от холмов ответил:

«Ведь так давно...» Но с песенкой простой
Не справился, и вдруг пресекся голос,
И он, подняв к луне кувшин пустой,
Замолк, и песня эхом раскололась.
Один с луной над городом глухим,
Где заперты чужими на засовы
Те двери, что всегда открыть пред ним
Друзья и в полночь были бы готовы.

Судья Арнетт

Это правда, дорогие сограждане,
Что дело судебных решений, годами
Лежавшее на полке вверху над самым
Судейским креслом, да, это правда,
Что дело металлическим углом
Ударило меня по лысине, падая.
(Я полагаю, что его сбросило вниз
От сотрясения воздуха во всем городе,
Когда взорвался на консервном заводе
Бак с газOLIном и обжег «Буч» Уэлди.)
Но давайте обсудим все по пунктам
И разберем это дело тщательно:
Во-первых, меня ударило в голову;
Во-вторых — и это самое страшное, —
Листки, рассыпавшись, кружились, мелькали
Вокруг меня, как колода карт
В руках какого-то искусного жонглера.
И я видел их до самого конца,
Пока не сказал: «Это не страницы.
Разве вы не видите, что это все дни,
Дни и дни за семнадцать лет?
Что же вы мучите меня листками
И мелочными записями на них?»

«Буч» Уэлли

Когда я стал верующим и остепенился,
Мне дали работу на консервном заводе,
И каждое утро я наливал
Бак во дворе газолином,
Питавшим в сарае огонь
Для нагревания паяльников.
И я взбирался по шаткой лесенке
С полными ведрами в руках.
Раз утром, когда я наливал стоя,
Разогретый воздух словно вздохнул:
Я отлетел от взорвавшегося бака
И упал, сломав обе ноги,
И глаза мои лопнули, как два яйца,
Из-за того, что кто-то оставил пламя
И горючее всосало огонь в бак.
Окружной судья сказал, что сделал это
Мой помощник и потому
Сын старого Родэса не должен платить мне,
И на скамье свидетелей сидел я, слепой,
Как Джек-скрипач, повторяя только:
«У меня не было никакого помощника».

Минерва Джонс

Я Минерва, местная поэтесса,
Мне улюлюкали уличные хулиганы
За полноту, косоглазье, вихлявую походку,
Особенно после того, как «Буч» Уэлли
Взял меня после дикой погони

И бросил на произвол судьбы с доктором Мейерсом.
И я погрузилась в смерть, цепenea с ног до головы,
Как будто уходя все глубже в поток ледяной.
Не просмотрит ли кто местную газету
И не соберет ли в книгу мои стихи?
Я жаждала так любви
Так томилась по жизни.

Ноулт Хохаймер

Я одним из первых пал у Миссионерских холмов *.
Когда пуля пронзила мне сердце.
Я пожалел, что не остался и не сел в тюрьму
За кражу свиней у Кэра Тринери,
А зачем-то бежал и поступил в армию.
В тысячу раз лучше сидеть в тюрьме,
Чем лежать под крылатой фигурой из мрамора
И под гранитным пьедесталом
С надписью: «PRO PATRIA!» **
Что она, собственно, значит?

* Гряда холмов на границе штатов Теннесси и Джорджии, где генерал северян Грант разбил Брэгга 23 ноября 1863 года.

** За отечество (*лат.*).

Лидия Пуккет

Ноулт Хохаймер ушел на войну
Накануне того дня, как Кэрл Тринери
Добился приказа судьбы Арнетта
Об аресте за кражу свиней,
Но вовсе не потому он стал солдатом.
Он видел меня с Люмусом Атертоном.
Мы поссорились, я сказала, чтоб он никогда
Не встречался со мной.
Поэтому он украл свиней и пошел на войну —
Рядом с каждым солдатом ищите женщину.

Пи Боу

Они отдали меня в воскресную школу
В Спун-Ривере,
Чтоб я сменил Конфуция на Христа.
Было бы не так уж плохо,
Если б они сами сменяли Христа на Конфуция,
Ибо без всякого повода, для похвальбы
Сын миссионера вдавил мне ребра
В легкие ударом кулака.
Я никогда не буду спать с предками в Пекине,
И дети не будут чтить моей могилы.

Роберт Фрост

(1874—1962)

Пучок цветов

Я вышел с граблями на сенокос
За тем, кто утром шел по блеску рос.

Он здесь косил, когда была роса,
Легко скользила по траве коса.

По ветру издали я слышать мог,
Как звонко косу отбивал брусок.

Он все скосил среди этих луговин.
Как раньше он, работал я один.

«Ведь даже и среди общего труда
В работе одиноки мы всегда».

Так я сказал, и тут же надо мной
Вспорхнул неслышно мотылек цветной.

Я видел, как, над лугом полетав,
Он опустился среди увядших трав

И крылья развернул мне напоказ,
Потом, взлетев, пропал почти из глаз.

В мечтах о том, чего не разрешить,
Я начал снова сено ворошить.

За мотыльком следя, заметил я
Пучок цветов, торчащий у ручья,

Как будто пламя вспыхнуло в цветах,
Их пощадил косы смертельный взмах.

И я к ручью пошел издалека,
Чтобы узнать название цветка.

Косец их пощадил лишь потому,
Что те цветы понравились ему.

Он их оставил вовсе не для нас —
Так радостен был предрассветный час.

Но может мотылек на цвет их сесть,
И о заре они приносят весть,

Я слышу щебет птиц и звон косы,
Сверкающей слезинками росы,

Уже я не один, а близкий друг
Со мною вышел на зеленый луг.

Как будто мы работаем вдвоем
И вместе в тень передохнуть идем.

И кажется, что рядом мы сидим
И дружески беседу ю я с ним.

Я говорю: «И порознь мы всегда
Работаем для общего труда».

Починка стены

Есть что-то, что не любит ограждений,
Что осыпью под ними землю пучит
И сверху сбрасывает валуны,
Лазейки пробивает для двоих.
А тут еще охотники вдобавок —
Ходи за ними следом и чини.
Они на камне камня не оставят,
Чтоб кролика несчастного спугнуть —
Поживу для собак. Лазейки, бреши —
Никто как будто их не пробивает,
Но мы всегда находим их весной.
Я известил соседа за холмом,
И, встретившись, пошли мы вдоль границы,
Чтоб каменной стеной замкнуться вновь.
И каждый шел по своему участку
И собственные камни подбирал —
То каравай, а то такой кругляш,
Что мы его закл ятьем прикрепляли:
«Лежи вот здесь, пока мы не ушли».
Так обдирали мы о камни пальцы,
И каждый словно тешился игрой
На стороне своей. И вдруг мы вышли
Туда, где и ограда ни к чему:

Там сосны, у меня же сад плодовый,
Ведь яблони мои не станут лазить
К нему за шишками, а он в ответ:
«Сосед хорош, когда забор хороший».
Весна меня подбила заронить
Ему в мозги понятие другое:
«Но почему забор? Быть может, там,
Где есть коровы? Здесь же нет коров.
Ведь нужно знать пред тем, как ограждаться,
Что ограждается и почему,
Кому мы причиняем неприятность.
Есть что-то, что не любит ограждений
И рушит их». Чуть не сказал я «эльфы»,
Хоть ни при чем они; я ожидал,
Что он поймет. Но каждую рукою
По камню ухватив, вооружился
Он, как дикарь из каменного века,
И в сумрак двинулся, и мне казалось —
Мрак исходил не только от теней.
Пословицы отцов он не нарушит
И так привязан к ней, что повторил:
«Сосед хорош, когда забор хороший».

Время для беседы

Если друг окликнет меня с дороги
И лошадь переводит с рыси на шаг,
То с мотыгой я не стою и с досады,
Боясь, что отнимет он времени много,
Ему не кричу недовольно: «Ну что там?»
Ведь с другом беседа — совсем не пустяк.

Нет, я втыкаю в мягкие гряды
Мотыгу с тяжелым железным концом
И спешу к стене из камня, к воротам,
Чтоб друга позвать в дом.

Огонь и лед

Кто говорит — мир от огня
Погибнет, кто — от льда.
А что касается меня,
Я за огонь стою всегда.
Но если дважды гибель ждет
Наш мир земной, — ну что ж,
Тогда для разрушенья лед
Хорош
И тоже подойдет.

Дар навсегда

Владели мы страной, ей неподвластны.
Она считалась нашей сотни лет,
Мы не были ее народом, знали
Тогда Вирджинию и Массачусетс,
Но были мы колонией английской,
Владели тем, что нами не владело,
Подвластны той, которой неподвластны.
Мирились с этим мы и были слабы,
Пока не поняли того, что сами
В стране своей не обрели отчизны,
И мы, отдавшись ей, нашли спасенье.
Ей отдали себя раз навсегда,

(Наш дар скреплен был жертвой многих жизней).
Стране огромной, звавшей нас на запад,
Еще неспаханной, незаселенной,
Такой, какой была, какою будет.

Избравши что-то как звезду

Звезда (ты светишь с высоты),
Не возражаем мы, чтоб ты
За облаком свой свет затмила,
Но по ночам средь темноты
Твои лучи светлы, чисты.
Всегда таинственно светило,
Но все ж нельзя, чтоб никогда
Ты звездной тайны не открыла.
Скажи нам что-нибудь, звезда,
Чтоб повторять наедине.
Ответ: «Пылаю я всегда».
Но сколько градусов в огне
По Цельсию иль Фаренгейту,
Какие элементы там
Твой свет несут к другим мирам?
Понятным языком сумей ты
Хоть что-нибудь поведать нам.
И как пустынный Китса, строго
Звезда далеких светлых сфер
Дает нам твердости пример
И требует не так уж много —
Хулят иль славят благосклонно,
Не верьте низкому суду,
Избравши что-то как звезду,
Держите путь свой неуклонно.

Вэйчел Линдзи

(1879—1931)

Авраам Линкольн бродит в полночь

Для всех нас знаменательно и важно,
Что в полночь в нашем городе всегда
Проходит молчаливо скорбный призрак
Пред мрачным, старым зданием суда.

То к дому своему пройдет и вспомнит,
Как здесь при нем играла детвора,
То выйдет он на городскую площадь
И ходит там до самого утра.

Высок и худ! На нем сюртук старинный,
Цилиндр и шарф — потертый старый плат.
Таким его мы знаем все и любим, —
Народный вождь, из прерий адвокат!

Он спать не может на холме спокойно,
Он с нами вновь живой в борьбе со злом,
И мы, проснувшись и вздыхая, слышим,
Как он идет в молчании ночном.

Он думает о королях и людях.
Нет, не до сна, когда вопит весь мир!
Неведомо, за что солдат воюет,
А дом его в деревне пуст и сир.

Магнаты войн бесчестны и преступны,
Гремят дредноуты пучин морских,
И на плечах он ощущает тяжесть
Безумных дел и страшных мук людских.

Он ждет, что возвестит заря среди ночи
Освобождение Европы всей,
Союз народов на Земле Рабочих
И вечный мир всех Гор, Равнин, Морей.

Монархи всюду замышляют войны,
И люди, как рабы, еще в ярме.
Когда ж настанет мир и вновь спокойно
Уснуть он сможет на своем холме?

Призраки бизонов

Я с криком проснулся во мраке ночном.
Звенели все стекла, ударил гром,
И пол колебался, и огненный шар
За дверью раскрытой блеснул, как пожар.
Наружу я выбежал. Город исчез.
Где сад был фруктовый, там девственный лес,
И дом мой — блокгауз, и рядом поток.
Пустынно и тихо, и я одинок...
Вдруг...

В ночной тишине
Лишь ветер уныло
Нашептывал мне
О том, что было
Много лет тому н а з а д, —
Об избиеньях бизоньих стад.
Сова прокричала: «Чу... Я лечу...»
И запиликал смычок,
Полночь проклинал сверчок,
Полночь проклинал сверчок.
Вдруг...
Нюхая молний летучее пламя,
Бизоны, бизоны помчались стадами,
Владыки прерий, на скалы похожи.
И я подхватил: «А-ля-ля, а-ля-ля!»
Вопль краснокожих,
Вопль краснокожих:
«А-ля-ля, а-ля-ля, а-ля-ля!»

Бизоны, бизоны, тысячи вброд
На запад стремились чрез водоворот,
Рогами замедливших бег торопя,
Мехами дымящихся легких хрипя,
Катились лавиною многоголовой
Стада бизонов, телята, коровы,
Свирепые царственные быки,
Гривой трясая, закусив языки,
Вращая глаза, словно диски лун,
С ревом, как бурный косматый бурун,
Стремительно мчались в померкшую синь,
Как призраки, духи небесных пустынь.
Их пастбище — небо, где звездные степи

Раскинулись в огненном великолепии.
Исчезли, и пылью клубился свет,
И я с изумленьем смотрел им вслед.

Сверчок заиграл на скрипке своей,
И пугало, словно оторопел,
Тряпьем взмахнув, загремело сильней
Сковородкой, подвешенной у плечей.
И я услышал в трубе напев.

Ветер в трубе,
Ветер в трубе,
Ветер в трубе
Пел все слышней:

«Мечтай о чуде,
В мечту поверя,
Грезят люди,
Грезят звери.

Жизнь — мчащийся к западу грез ураган.
Жизнь — вечная греза, звездный туман,
Дыханье созвездий златоволосых,
Раскинувших в небе лучистые косы».

Любовную песню крылатый смычок
Запел что было мочи.

Вдали над водой прозвенел козодой.

И тихо запел сверчок,

И тихо запел сверчок:

«Спи... спи... Спо-кой-ной но-чи!

Спо-кой-ной но-чи!»

Карл Сэндберг

(род. в 1878 г.)

Народ будет жить

Народ будет жить.
Он будет еще не раз обманут и предан
И снова вернется к земле-кормилице для опоры.
Народ ищет новое, к старому порой возвращаясь.
Не смейтесь над тем, что он так поступает.
Как мамонт, он отдыхает в затишьи среди ураганов.
Народ часто бредет загадочной сонной усталой огромной
толпой,

Из которой слышны голоса:
Я зарабатываю на жизнь,
Кое-как свожу концы с концами,
На это уходит все мое время.
Если б у меня было больше досуга,
Я делал бы больше для себя
И, может быть, для других.
Я мог бы читать, и учиться,
И рассуждать о многом,
Но для этого нужен досуг.
Побольше б свободного времени...

Народ знает горечь морей
И мощь ветров,
Со всех сторон бичующих землю.
Народ считает землю
Могилей покоя, колыбелью надежд.
Люди шагают вперед в ритме созвездий
По законам вселенной...

Небо в блеске сталелитейном.
Белое пламя пышет и бьет
По сумраку пушечного металла.
Время победы настало.
Победит человек — народ.

Это древняя наковальня много молотов сокрушила.
Но есть неподкупные люди.
В огне закаленные огня не боятся.
Звезды бесшумны.
Нельзя остановить бурный ветер.
Время — лучший учитель.
Кто может жить, не надеясь?

Во мраке с большим грузом скорби народ шагает
вперед.
Ночью под россыпью звезд народ шагает вперед:
«Куда? Что ж дальше?»

Небоскреб

Днем небоскреб маячит в дыму, под солнцем, одушевлен.
Прерии, долины, улицы льют в него людской поток, и, растекаясь
по двадцати этажам, он снова летится назад в улицы,
прерии
и долины.

Мужчины и женщины, юноши и девушки втекают и вытекают
целый день, одушевляя зданье мечтами, мыслями,
воспоминаньем.

Заброшен в море или в пустыню, кто вспомнит об этом зданьи,
назовет его иль спросит у полисмена, как туда пройти?

Лифты скользят по канатам, пневмопочта мчит пакеты и
письма, железные трубы несут газ и воду, унося
нечистоты.

Провода сообщают тайны, мчат и свет и слова, известья
смятенья, наживы, любви — проклятья дельцов,
спекулянтов, болтовню флиртующих женщин.

С каждым часом кессон опускается глубже к скальной основе,
прикрепляя зданье к летящей планете.

С каждым часом каркас все выше вздымает стальные ребра,
поддерживая этажи и стены.

С каждым часом крепче каменщики и известь смыкают куски
и части в то целое, что задумал зодчий.

С каждым часом зной и дождь, воздух и ржа, давленье
времени, летящего в вечность, точат зданье внутри
и снаружи и рушат его.

Рабочие, забивавшие сваи и месившие известь, лежат
в могилах, и ветер дико свистит над ними песню без
слов

А также и протягивавшие провода, и укладывавшие трубы,
и смотревшие, как росли этажи.

Но все они здесь незримо, даже подносчик извести,
побирающийся за сотни миль отсюда, и каменщик,
попавший в тюрьму за убийство в драке.

(Один рабочий сорвался с лесов и разбился в отвесном
прыжке, — он здесь — его душа замурована в стены
зданья.)

На дверях контор из яруса в ярус — сотни фамилий, и в
каждой олицетворенное детоубийство, страсть
к женщинам, погоня за миллионами и прожиганье
жизни.

За вывесками дверей кипит работа, и стены наглухо замыкают
помещения.

Стенографистки за десять долларов в неделю строчат под
диктовку членов правлений, юристов, инженеров,
и тонны писем тюками летят во все концы света.

Улыбки и слезы каждой конторщицы, а также и заправил
зданья входят в душу зданья.

Стрелки часов встают на двенадцать, и каждый этаж
извергает мужчин и женщин, они уходят, едят
и возвращаются на работу

После полудня, к вечеру деловая горячка стихает, и все
работают медленней, чувствуя, что кончается день.

Этажи пустеют один за другим... Галунные лифтеры уходят.
Ведро звенят... Скребут уборщики, переключаясь
на разных языках.

Щетка, вода и швабра счищают с этажей людскую грязь,
плевки и машинную копоть дня.

На крыше написанные электричеством слова через мили домов
сообщают людям, где что купить за деньги. Реклама
смокает в полночь.

Темнота переходов. Эхо голосов. Вновь тишина... Охрана
бродит с этажа на этаж, торкая двери... Револьверы
топырят карманы.

Стальные сейфы стоят в углах. И в них кипы денег. Молодой
охранник встал у окна и видит сигналы судов,
пробирающихся сквозь гавань, сеть красных и белых
огней у вокзалов, квадраты тьмы в пункте белых
линий, пятна сечений и гроздь спящего города.

Ночью небоскреб маячит в дыму под звездами, одушевлен.

Три слова

В детстве я слышал три красных слова:
Тысячи французов умирали на улицах
За Свободу, Равенство, Братство, — и я спросил,
Почему за слова умирают люди.

Я попрос, и почтенные люди с усами
Говорили, что три заветных слова —
Это Мать, Семья и Небо, а другие, постарше,
С орденами на груди, говорили: Бог, Долг
и Бессмертье, —
Говорили нараспев и с глубоким вздохом.

Годы отстукивали свое тик-так на больших часах
Судеб человеческих, и вдруг метеорами
Сверкнули из огромной России три

Суровых слова, и рабочие с оружием пошли умирать
За Хлеб, Мир и Землю.

А раз я видел моряка американского флота,
Портовая девчонка сидела у него на коленях,
И он говорил: «Нужно уметь сказать три слова,
Только и всего: дайте мне ветчину и яичницу, —
Что еще? — и немножко любви,
Моя крошка!»

Джаз-фантазия

Барабаны, гремите — бум, бум. Изнывайте жалобно, банджо,
Рыдайте извивами горл, саксофоны. Играй, о джазбанд!
Без жалости бейте суставами пальцев по жести кастрюль,
отрывивайте тромбонами тромбы, верещите наждачной бумагой:
хуша, хуша, хуш...

Войте, как ветер осенний в вершинах деревьев, вопите, как
будто от боли, в ужасе, вопите, как бешеный автомобиль,
ускользающий от полицейского мотоцикла. Играй, играй,
джазбанд, оркестр барабанов, банджо, рожков, саксофонов,
кастрюль — пусть двое пьяных, сцепившихся на лестнице
рьяно, бьют наугад, наобум и катятся вниз по ступеням.
Вопите музыкой зычной... А там, на Миссисипи, ночной
пароход пробивается вверх по темной реке с ревом
«гуу-уу-уу-у...» И зелеными фонарями зовет к далеким
нежным звездам...

А красный месяц скачет на черных горбах прибрежных
холмов...

Играй, о джазбанд!

Детская песенка

Есть голубая звезда, Джанетта,
Езды до нее двенадцать лет,
Если мчаться со скоростью света.
И белая есть звезда, Джанетта,
Езды до нее сорок лет,
Если мчаться со скоростью света.
К какой же звезде
Мы с тобой поедem —
К голубой или белой?

Луис Унтермайер

(род. в 1885 г.)

Воскресенье

В воскресенье —
В одиннадцать утра — шла служба в церкви —
Молитвы возносились — бог казался близким.
И вдруг на тесных улицах тихого Лоренса
Появились рабочие, шагая рядами,
Шагая поутру, шагая туда, на кладбище,
Где, уже отпылав, глубоко под дерном,
Бездушно лежала их сестра и подруга.
В руках они несли венки и томные цветы,
Над головой их знамена парили, словно орлы,
Но орлы, обагранные кровью их сердец,
Алые не для славы, алые от ран и от мук,
Алые, как символ живой крови всего мира.
Так несли они на кладбище с песней знамена,
Так шагали и пели, на цветы роняя слезы,
Так на смерть шли покрыть умершую цветами.
Молившиеся в церкви вдруг
Смутились, песню ту услыша, —
Бог не расслышит верных слуг,
Молениям внемля свыше.

Дозволить, чтоб покой воскресный
Так нарушали бы рабы
И шли, как волны, с гордой песней
И вызовом борьбы...

Бог обратится к ним — и вдруг
Услышит тех, кто с песней вышел, —
Бог позабудет верных слуг,
Мольбам не внемля свыше.

И вот (насмешкою какой)
Явились в виде стражей мира,
Чтоб всех, кто пел, смести долой,
Солдатские мундиры,

Чтоб святотатцев побороть
Оружием, чтоб стало тише —
Чтоб службу услышал господь,
Молениям внемля свыше.

И вот на поющие улицы тихого Лоренса
Выступили солдаты, и за синими их рядами,
Незримо оскалась, вздымая невидимо факелы,
Мчались орды Гнева, все пред собой сметая,
К ним примкнули Жестокость и Зло, а также и Ужас,
Ярость стреляла из ружей, Безумье кололо и выло...
На одичалых кровавых улицах дрожащего Лоренса
Металась беспомощно Паника, и долго, жестоко
Бешенство скакало, топча; мирные раньше люди
Сражались ожесточенно во имя Закона, Порядка,
И под вопли, как море, в пене бурунов,
Акомпанируя мукам, гремел, торжествуя, орган...

В одиннадцать утра — шла служба в церкви —
Молитвы возносились — бог казался близким —
В воскресенье.

Старая вражда

Бескровная, где и когда
Была подобная вражда,
Что длится в тишине всегда

Меж человеком и травой?
Он нападает, у него
Оружие и торжество,

И копыя трав берут в полон
Луг, собственность его, и он
Их скашивает, и, урон

Терпя, трава покорно ждет,
Пока он строит, роет ход,
Куда и корень не пройдет.

Он побеждает до тех пор,
Пока с травой не кончен спор.
Смыкая утомленный взор,

Пресытись торжеством своим,
Он засыпает, недвижим,
И вот трава растет над ним!

Робинсон Джефферс

(1887—1962)

Утесу, который станет краеугольным камнем дома

Старый сад лишайников охряно-серых,
Сколько лет прошло, как исчезнувших краснокожих
племя

Жгло костры под тобой и искало
Защиты от ветра морского? Сто лет или двести
Был ты в разлуке с людьми
И знал лишь белок со жнива, да кроликов с мыса,
Да лошадей длиннокосмых за плугом
На холме в декабре, и чаек, снующих
Крикливо над черною бороздою; никто
Не касался тебя любовно, лишь серый ястреб
и бурый садились туда,
Где возложены руки мои. Вот принес я тебе
Вино, молоко и мед за столетья голода
И морского холодного ветра.

Я вовсе не думал, что будет по вкусу граниту
Вино иль мед с молоком; но так нежно
Стекают они по расщелинам древним в мох,
Проникая в немые
Оттиски бурь, отшумевших давно, и в ожоги

Костров первобытных, и в твердость,
Ждавшую миллионы лет, чтобы стать
Углом для дома, как предопределено.
Дай мне каменную мощь прошлого, и тебе
Мои крылья будущего одолжу я.
Как дорог станешь ты для меня, когда и я состарюсь,
старый друг.

Божественный избыток красоты

Танец чаек в буре, игры и рев тюленей,
Над океаном и под водой..
Божественный избыток красоты
Правит игры, решает судьбы, растит деревья,
Громоздит горы, вздымает волны.
Невероятная радость.
Звезды огонь сближают, как губы. О, дай и мне
Соединиться с тобой, ведь ни одна девушка
Не пылает и не жаждет любви
Больше, чем я тебя на берегу тюленьем, где крылья
Ткут, словно ткань в воздухе,
Божественный избыток красоты.

Осенний вечер

Облака еще уплывали на юг, но тихий осенний
Холодок сентябрьских сумерек
Предвещал дождь, смену года, вестника
Мрачного леса. Вверху пролетела цапля
С забавным криком «уок»; от этого крика

Молчанье еще молчаливей; с десяток
Взмахов крыла, скользящий спуск и в конце скольженья —
Снова крик и хлопанье крыльев.
Я следил, как летела она по осеннему небу, — за ней
Юпитер сиял вечерней звездой.
Голос моря умиротворял, и я думал: «Неважно, —
Что б ни случилось с людьми... мир все же прекрасен».

Птицы

Музыкально клекочущий крик воробьятников с мыса.
Они парят и, снижаясь, скользят на северо-запад.
Пронзая, как стрелы из серебра, мглу и гул океана,
Рушащего гранит, их рыжие спины блестят
Под моим окном в обрамленьи камней; что изящней, что
Быстрее их полета? На западе ж сборщики волн,
Чайки седые сгрудились в стаю, северный ветер развеял
Крылья их в веера какого-то дикого танца.
Свежа как воздух, солонь как пена, играют птицы; летят
Сокола из лесов дубовых, сосновых, а чайки
С отмелей Кармела, с устьев речных, с мыса Лобос
и с беспредельных
Пространств океана; так и для поэм
Нужен такой же слет мыслей, смелых и хищных,
клекоющих музыкально,
Как соколы в бросках и пареньи, такая ж
Ненасытная оперенность страсти, горько-соленые клювы
С берегов скалистых мира и тайных истоков.

Суда в тумане

Спортивные игры, театр, искусства, танцы
И полнозвучность музыки
Детей прельщают; нет в них благородства, лишь
горькая суровость

Творит прекрасное; и разум,
Созревши, познает.

Туман окутал океан,
Моторное биенье слышно в нем;
На расстояньи броска камнем, в промежутке скал
и пара

Одна за другой движутся тени
Из тайны, тени, суда рыбачьи в кильватере.
Лавируя по утесам,
Держа опасный, курс между морским туманом
И пенящимся гранитом,
Следуя за головным, шесть их проплыло мимо,
Из тумана в туман,
С приглушенным стуком машин, осторожно и тихо
Огибая вдоль берега полуостров,
К бакенам гавани Монтери. Полет пеликанов
Всего привлекательней для глаз,
А полет планет всего величавей; искусства
бессильны

Пред явленьем насущным
Существ, творящих свой труд средь таких же
Сурово-деятельных стихий.

На краю континента

В равноденствие, когда земля под вуалью дождя,
в венке из влажных маков встречала весну,
Океан набухал далекой бурей и бил в берега,
а зыбь потрясала устои гранита,

Я смотрел на границу гранита и брызг, на воздвигнутый
бурый рубеж, чувствуя позади
Горы, равнины, необъятный простор континента,
а впереди — еще большее пространство и массу воды.

Я сказал: «Ты связуешь тюленьи лежбища алеутов
с цветниками кораллов и лавы на юге,
Через твой водоем жизнь, устремленная на восход,
встречается с нашей, обращенной к вечерней звезде.

Сколько переселений прошло по тебе бесследно,
и ты нас забыла, праматерь!
Была ты много моложе, когда, выброшены из чрева,
мы грелись на солнце в отливе.

Это было так давно, мы стали горды, а ты еще
более горькой; жизнь сохранила
Твою подвижную, беспокойную силу, завидуя твердости.
неколебимому спокойствию камня.

В наших венах приливы, мы отражаем звезды,
жизнь — твоё порождение, но есть во мне
То, что древней и крепче жизни и беспристрастной,
то, что видело, когда не было океана.

То, что смотрело, как ты из сгущенья пара
стекала в ложа свои, их изменяя,
Как ты в покое и буре точила свои берега,
грызла скалы, менялась местом с материками.

Мать, сходен строй моей песни с твоим
прибойным древним ритмом, но взят не у тебя.
Ведь еще до воды бушевали приливы огня,
и песни, моя и твоя, — из истоков более древних».

Лю Саретт

(1888—1954)

Вражда

О загнанный олень! Ты почему
Весь, словно тополевый лист, дрожащий
Прибился с воли к стаду моему,
На луговину выбежав из чащи?

Ты в ветре нюхаешь тревожно что-то,
Иль ты напуган воем волчьих стай
И за тобою гонятся койоты?
Иль слышишь ты свирепых гончих лай?

Не бойся, ляг спокойно, отдохни,
От всех гонителей надежно скрытый
Средь стада моего, твоей родни,
Я на себя беру твою защиту.

Я вспоминаю, как недавно там
Койоты, волки, но другой породы,
Двуногие, с молитвой по пятам
За мной гнались, чтобы лишить свободы.

О загнанный олень, ведь не однажды,
Как ты, я слышал мягкий шаг врагов,
И пенящийся от кровавой жажды
Свирепый лай и звонкий трубный зов.

Я знаю: раздувал ты на бегу
Мехами легких в каждой жилке пламя,
И молот гулко бил в твоём мозгу,
И воздух жадно ты ловил губами.

Я здесь с ружьем на страже встану молча.
Дремлю спокойно и забудь свой страх.
Сумею я пронзить сердца их волчьи
На четырех или на двух ногах.

О, пусть приходят! Хищным их утехам
Я здесь сумею положить конец,
И за тебя и за себя со смехом
Я из двустволки в них всажу свинец.

Арчибальд Маклиш

(род. в 1892 г.)

Кладбище у шпал

Ге-эй! Как придавило наши плечи!
Мы не рождены лежать в этой земле,
Мы — негры, португальцы, венгры, поляки.

Мы родились смотреть другое небо,
А теперь лежим на пастбище у реки,
Лежим на лугу под плотным дерном.

Мы слышим землю и стрекот кузнечиков.
Это мы проложили рельсы от океана к океану,
Это мы (если знаете) провели дорогу сквозь горы,

Спустив ее в Ларамии уклоном,
Восемнадцать миль по гранитной круче,
Сорок три фута на милю — не больше, не меньше.

Это сделали мы, пришельцы, бродяги,
Это мы вырыли лотки для холодной воды,
Это мы устроили стоки и подъездные пути.

Это делали мы, и нас подгоняли ирландцы,
Мы все пришлые, не из этой страны —
Шотландцы, англичане, китайцы, австрийцы.

Ге-эй! Земле тяжелы наши кости.
Не для того мы шли сюда, чтоб лежать
Под шпалами в глиняной выемке.

Все лучшее в мире скупил себе богачи.
Все липнет к сальным кредиткам —
Даже целый континент, даже новое небо.

Пусть чужая трава прорастает над нами,
Мы проложили сталь в каменную толщу гор.
Телеграфными столбами отмечены наши могилы.

Мы шли сюда не затем, чтоб лежать в земле,
Чтоб поезда грохотали в гулкой лощине.

Эйнштейн

Стоянье между солнцем и землей
Загадочно. И в нем таится что-то
Невскрытое, хотя бы прародитель
Был обезьяной.

Музыкою сладкой
Звучат все стены изнутри, и слышны
Панелей вздохи, а из-под полов
Глухие голоса. Есть скрытый вход
За плотной занавесью и внутри
Живое что-то; но в ту дверь не входит
Луч солнечный, и нет окон, откуда б

Зеркальный месяц проникал в костяк
Косым лучом. Он невысок и плотен.
В пространство втиснут перпендикулярно
И непрозрачно, и оно бросает
На землю тень. И он внизу окончен
Ботинками, что, движась против сфер,
Его вниманье привлекли.

*Эйнштейн на общественной скамье
в среду созерцает конечность.*

Окончен.

Но почему не дальше, вне предела
Пространства, как вселенная сама,
Хронологически двойною датой
Во времени — начальной и конечной?
Ни сам господь, ни миллионы звезд,
Глядящих одиночеством огней,
Ни все созвездья ночи не войдут
В его пределы.

И не сможет солнце
Его принять, он не войдет корнями
В сток мутный времени, туда, где змей
Свивает кольца и где ил и тина
Плодят личинки.

Да, но он конечен,
И доказательство — его ботинки;
Их по орбите противоположной
Земной вращает, нарушая все
Планетные порядки. И он носит
Костюм, которым четко отграничен
От сфер чужих: во-первых, свой пиджак,

Округлый сзади и отличный формой
От космоса окружного; внизу ж
Штаны, служащие его защитой
От всех вращений звездных.

*Эйнштейн спускается по
Гартмансвейлер-штрассе.*

Только руки

Открыты и лицо, соприкасаясь
С тем, чем он окружен, с суровым, нежным,
Звучащим и неслышным, и с прибором
Эфирным ряби, и столбом пылинок
Вокруг уборной; к ним иди, вскрывая
Их тени, отраженные в мозгу.
Как плоскость, дуги перпендикулярны,
Расплывшиеся, словно очертанья,
Изваянные воздухом.

Возможно,

Они — не тень, а вещь сама в себе,
И можно их постичь.

*Эйнштейн временно перед зеркалом
принимает гипотезу субъективной ре-
альности...*

Рви лепестки

У мира внешнего, оставь в покое
Мир разума, который сам в себе,
Имеет свой объем. А здесь деревья
Озеленяют холм, который красит
Туманный горизонт, и небеса

Горят, обугливаясь к ночи в ветре,
И ветры дуют на него, и солнца
Ему восходят и заходят в ночь,
И луны тень его длиннят. Он бродит
Здесь, словно в отгороженном саду,
И где он встанет, там пузырь вселенной
Вихрит свой центр, и кружатся над ним,
Как летом золотые мухи, звезды.

...отвергает ее.

Отвергнул,
Потому что вдруг заметил,
Как сорвалась планета и огонь
Прорезал темноту, спускаясь ниже
К теням, маячившим на небесах.
Они безжизненны, и солнца тухнут,
И, как лицо утопленника, месяц
По сумрачной поверхности плывет
И тускло гаснет.

Да, он знает меньше,
Чем мир, и должен выйти за пределы
Познания.

*Эйнштейн, ища синтеза с тем, что вне
его, тщетно пытается проникнуть в
Бернский оберланд.*

Простертый на земле,
Он окунает руки в зыбкий вихрь
Того, чем окружен, но, вздыбаясь, травы

Скользят от пальцев, и, взрыхляясь, почва
Не смешивается с его руками,
И даже свет и воздух, обособясь,
Его не принимают, избегая
Прикосновенья. Так, отвергнут всем,
Ползет он по земле и видит солнце,
Не находя ответа.
Взвев листья,
Пусть ветер, вспоминая, бередит
Зеленое сознание их и в море
Взбивает длинные волокна амбры
В глухонемой угрюмости приливов.
Сочась дождем осенним, ветви ранят
Костяк незащищенный, а весной
От лавра набухают терпкой кровью
Конечности.

Хотя сознание ими
Заполнено, но он понять их смысла
Не может и не выразит словами
Значенья их. Смотреть, как солнце летом
По шкуре высохшей земной ползет,
Грустить о юности своей, о детстве
И о воде былой на берегу.
А ночью на призыв немой в крови
Ответить именем полузабытым!
Нельзя продумать запахи дождя,
И не охватишь мыслью вздохи ветра
И тишину, и не постичь умом
Крик козодоя в сумерках.

*Эйнштейн, растворяясь в скрипках,
нападает на молекулярную структуру
дачного сада Ф. П. Пэнке. Отражен.*

Но скрипки
Стволов настроены, они поют
Слова немые — образы для слуха,
Им образов ответных нет в мозгу.
Игра во тьме, и дерево в звучании
Исходит отзвуками, эхом мира,
Волнами бьет в него, и он наполнен
Дрожаньем ритма, и открытый мозг
Бесформенно сливается вдруг с плотью
Немой, несообщительной земли
И чувствует, не понимая, как
Удар дождя и в слепоте приемлет
Свет солнца.

Так он на мгновенье занят
Своею пустотой и, словно воздух,
Объемлет все собой.

Но эта скрипка
Сухой настойчивостью сон летучий
Гнетет и разлагает речь свою
На ритм, который музыкой опять
Становится и волокнится в звуки.

*Эйнштейну, стучащемуся у каменных
ворот, никто не открывает.*

Так, значит, речь не может вскрыть для мысли
Строенье их и сразу внутрь проникнуть.
...Нет слов и нет названий,
Чтоб их назвать; они всегда молчат,
На ощупь лишь доступны и бросают
Бесмысленные тени от себя
На тень его, противясь восприяю.

*Эйнштейн, услышав за стеной «Гранд
отель дю Нор» звезды, открывает
Черный Ход.*

Разрушить их, и пусть заговорят
Их элементы. Целое раззять
Для разума.

Лежит он на постели,
Испытывая Арктур и Луну
Вверху, обратно пропорционально
Квадратам расстояний их, и мыслит
Вселенную.

Атомна.

Океан

Исчислить в атомах и взвесить воздух,
Как кратные, раззять на числа свет
Он может.

Пусть они не говорят.
Он умертвит их, раздробив на части.
Пускай умрут, тогда их мертвый прах
Исчислит он и зашифрует в знаки
Тождеств их нереальных, применив
Единый чистый множитель всех сумм —
Сводя их в целое.

Как Демокрит,
Пригоршню камешков, подобно морю,
Процеживать сквозь пальцы. Так и он
Не прямо, косвенно, как солнце, косо
Склоняясь, холодом зимы мертвит
Поверхность летнюю.

*Эйнштейн на террасе Акаций вскрывает
потайной вход.*

И он стоит.

На склоне ветреном пред целым миром,
И мысленно все видимые формы
Он растворяет, и холмы текут
Грядой бурливой, и земля взлетает
На гребень рушащийся и крутой
Потопа гибельного.

Да, потопа.

Смести в движении и растворить
Отличья все в потоке безразличном.
Смыть прахом, затопляя бездной смен
Все изменяющееся.

И вот

Шевелится земля под черным паром,
Шипит трава, пузырящийся вихрь
Клокочет по полям, сосредоточась
Вокруг него, и закипает зелень,
И скалы, в пене глинистой бурля,
Раскалываются, и тают дымом
В ничто деревья.

Он стоит и смотрит,

Как ширится и увлекает смерч
В вертящемся уничтоженьи землю.
Пространство свертывается, и время
Вдруг исчезает, потушивши звезды,
Движенье прекращается, и мир
Зияет мертв.

Он чувствует, как телом

Сливается с разрушенной вселенной
И как в мозгу его кружат пылинки
Пространств, миров и солнц.

Эйнштейн входит.

Как пена, кровь
Иссохла в нем, обугленные кости
Рассеяны, как пепел, в темноте.
Но отвергает мрак его. И прах
Противится его прикосновенью
И безответен.

Кажется, тая
Еще не вскрытое. Живое что-то.

Эдна Винсент Миллэй

(1892—1950)

Олень на снегу

Белое небо, канадские ели в снегу.
Вы видите в сумерках оленя и лань на берегу,
Забравшихся в яблони? Я вижу их. Я разглядеть могу.
Как они вдруг понеслись, на бегу
Перемахнув через ограду к елям, согбенным в снегу.

И вот он лежит, кровью дымясь на снегу.
Как непонятна смерть, повалившая за рога на колени
Оленя на снегу.
Как непонятна — вдали за милю от нас,
Под елями, ронявшими только сейчас
Иней тяжелый с ветвей, там, на снегу —
Жизнь в глазах лани, запнувшейся на бегу.

Голуби

Я помню голубей и солнечное дерево
У двери, открытой во двор;
Они ворковали в тот вечер без умолку, словно упреки,
Как будто о прошлом воспоминаний укор,
И двигали тень виноградной листвы на пороге.

Ты сказал, что гуляющим голубиная воркотня
Приятна, но от нее может совсем обезуметь
Схватившийся за голову руками: «Как я! Как я!» —
И спугнул голубей, вспорхнувших к небу в крылатом шуме.
Они не вернулись. Опустело дерево без их воркованья.
Замерли тени листвы. «Куда ж они улетели, куда?» —

Спросила я в ожиданьи их крыльев, но они не вернулись.

Если б я знала тогда

То, что я знаю теперь, я не покинула б этот двор.

В выцветшей блузе, чертя упрямо рукой,
Золотой от загара, по воздуху планы, высокий такой,
Стоял ты в комнате, опустевшей от воркованья,
О чем-то задумавшись, уставив невидящий взор
На меня, с обычными словами расставанья
Исчезавшую в улицы города, для тебя чужого,
Исчезавшую в прошлое, в воспоминаний укор,
В облако крыл нестерпимых, закрывших солнце, чтоб оно
не засияло нам снова.

Детство — это царство, где никто не умирает

Детство — не от рожденья до возраста, когда ребенок,
Став взрослым, бросает свои игрушки.

Детство — это царство, где никто не умирает,
Никто из близких. Отдаленные родственники, конечно,
Умирают, — те, кого не видят или видят редко,

И это их не заинтересует.
Кричите на них, побагровев, встаньте,
Встряхните их хорошенько за окоченелые плечи, завопите на
них —
Они не испугаются, не смутятся и повалятся назад в кресла.

Ваш чай остыл.
Вы пьете его стоя
И покидаете дом.

И если сад в тиши

Прохладой августа дыши
    Чрез десять тысяч лет,
Мой брат, и если сад в тиши
    Весь в яблоки одет,

То ранней падалицей пусть
    Блеснет тебе земля,
И вдруг почувствуешь ты грусть
    Такую ж, как и я.

Особенно когда луна
    Из-за холмов взойдет,
И тяжелей, чем тишина,
    Воспоминаний гнет;

И все, что ты не смог сберечь,
    Тенями от вершин

Зашепчет, и немая речь —
Укор, и ты — один.

И чувства прежние мертвы,
И ты не тот, что был,
И греет яблоко с травы
Руки горячей пыл.

Захочешь плакать ты, но нет,
Не выжать слез из глаз;
Ведь и чрез десять тысяч лет
Страдают, как сейчас.

Правосудие, попранное в Массачусетсе *

Покинем наши сады, и вернемся домой,
И сядем в гостинной.
Зацветет ли таволга, всколосится ль хлеба
под таким небом?

Солона для плодоносных семян
Холодная земля под таким небом.
Мы прошли по сорняку и бурьяну, но не победили,
Не срублены нашей мотыгой их цепкие стебли.

Вернемся домой и сядем в гостинной.
Видно, не нам
Прояснится небо и встанет солнце,
Щедро сверкнув

* В августе 1927 года в штате Массачусетс в городе Бостоне были невинно осуждены на смерть и казнены Сакко и Ванцетти.

По мерцающим волнам,
И теплый ветер подует с моря,
Мирно прошелестев
Колосьями хлеба.

Покинут, покинут
Стоит воз на пустом сенокосе,
И лепестки без завязи в садах
Облетели так рано.
Солнце, греющее согбенные спины, иссушающее
кучи бурьяна, —
Мы еще его ждем,
Мы, погребенные под дождем,

От светлых погибших среди тьмы
Что наследуем мы:
Борозды для зерен, чистые, без сорняка, —
Там хозяйничают слизняки и грибки-паразиты.
Зло одолевает
Таволгу и злаки,
И нет им защиты.

А мы сидим, сложа руки,
В гостиной в ожиданьи,
А шаги смерти все ближе и ближе,
Оставляя детям наших детей этот дивный вход,
И этот вяз,
И запущенную землю
Со сломанной мотыгой.

Женевьева Таггарт

(1894—1948)

СССР

По Амазонке, Гангу — всюду вести
Плывут под всеми флагами судов.
И грузчики, в порту собравшись вместе,
Тайком расспрашивают моряков.

От очевидцев в гавань, в города
Идет молва о том, что есть на свете
Страна, покинувшая навсегда
Тень смерти на страдающей планете.

Об этом говорят ее герои
И сообщенья все, и правду ту
Не заглушить, не замолчать, настроя
Приемник на другую частоту.

Просачиваясь в глубь пластов народных,
Она растет. И ложью самой злой
Ни от рабочих, ни от безработных
Не скроют смысла истины простой.

Взгляни — на глобусе одна шестая,
И цвета красного цветам всех стран
Не вытравить... хотя, вооружая,
В союзы сплачивает их обман.

Сейчас, когда средь грохота и гула
Снаряды рвутся в городах, сейчас
Весь эта светлым серебром сверкнула,
Как сети рек, объединяя нас.

С ребенком

Теперь я стала тихой и спокойной,
Ищу, как зверь, у солнца ласки знойной,
Во мне томленья девичьего нет,
Я ветру песни не пою в ответ,
Ступаю, как по бархату, ногами,
В себя замкнулась глухо, словно камень.

Твой пульс, как молния, в меня проник
И воплотился. И я в этот миг
От одиночества отяжелела,
И бродишь ты один, осиротелый,
С любовью нашей. Ног моих коснись!
Почувствуй, как в земле томится жизнь!
Ее бессмертье — в этом плодородьи,
А красота теперь от нас уходит,

Восторги наши тайные открыв.
У ней свои есть тайны, свой порыв.
Она уходит в сумрак одиночеств,
В свой мир особый, в неподвижность ночи
И дерзостно стремится в темноте
Из тела материнского взлететь.

Майкл Голд

(род. в 1896 г.)

Необычайные похороны в Брэддоке

Слушайте траурный марш необычайных похорон.
Слушайте историю необычайных американских похорон.

В городе Брэддоке, в Пенсильвании,
Где сталелитейные заводы, как драконы в пламени,
пожирают людей, землю и небо,
Наступила весна. Робко, как ребенок, проходила она по
стране стальных чудовищ.
Ян Клепак, рослый весельчак-чех, по пути на работу в
шестом часу утра
Любовался зеленой травой на холмах у реки и буйным
белым цветом слив.
Полуголый, обливаясь потом у пудлинговой печи,
как демон в зловонии серы,
Он мечтал, вспоминая
Белый цвет слив и весеннюю зелень травы.
Он совсем забыл про сталь, и ему вспоминались то грудь
жены, то смех ребенка, то веселые песни гуляк на
дороге.
Он думал о коровах, овцах, крестьянах, селлах и полях
солнечной Богемии.

Слушайте траурный марш необычайных похорон.
Слушайте историю необычайных американских похорон.

Берегись! Берегись! Ян Клепак, печи ревут, как тигры,
Языки пламени мечутся, как обезумевшие желтые тигры
в клетке.

Берегись! Уже десять часов, и новая струя кипящей стали
течет в желоб.

Берегись! Рычаг трещит у одного из этих дьявольских котлов.
Берегись! Рычаг соскочил, и бешеная сталь вырвалась
из заслонок.

Берегись! О, мечты твои кончены, сталь растерзала тебя, Ян
Клепак!

Слушайте траурный марш необычайных похорон.
Слушайте историю необычайных американских похорон.

В трех тоннах остывшей стали — кости, мясо, нервы, мускулы,
мозг и сердце Яна Клепака

Вместе с мыслями о зеленой траве и овцах, о цвете слив,
о смехе ребенка и о солнечных селах Богемии.

Директор завода подарил этот тяжелый стальной гроб вдове
Яна Клепака,

И на большой платформе везут его к огромной яме
на кладбище.

Вдова и двое друзей едут в карете за глыбой стали
с останками Яна Клепака,

Скрываясь за спущенной шторой, они оплакивают растерзан-
ного сталью.

Слушайте траурный марш необычайных похорон.
Слушайте историю необычайных американских похорон.

И все трое думают разное на кладбище:
«Нет, лучше я буду пить, — не женюсь и не стану отцом
веселых малюток.

Я хочу забыться, ведь я ничтожество.

А жизнь такая же грязная шутка, как похороны Яна!» —
Так думает один из друзей на цветущем кладбище,
Когда лебедка спускает три тонны стали с останками
Яна Клепака.

(Слушайте траурный марш необычайных похорон!)

«Я стану прачкой, уборщицей, пятидесятицентовой шляхой,
но не отдам детей на сталелитейный!» —

Так думает вдова Яна Клепака, когда земля засыпает
стальную глыбу,

В теплый апрельский день, под ярким солнцем.

(Слушайте историю необычайных американских похорон!)

«Я закалю себя, как сталь, — нет, крепче стали,
И вернусь сюда, отолью пули из останков Яна, чтобы
стрелять в тиранов!» —

Так думает другой друг, который услышал,

Услышал траурный марш необычайных похорон,

Услышал историю необычайных американских похорон

И в ярости стал походить на котел, срывающий рычаг.

Слушайте траурный марш необычайных похорон.

Слушайте историю необычайных американских похорон.

Малькольм Каули

(Под. в 1898 г.)

Завтра утром

Бродя в полях росистых завтра утром,
Иль заглушая голосистой песней
Свист черного дрозда, иль замышляя
Взлет новых достижений, вы тогда
Нас вспомните. Творцы грядущих утр
С могучими и чуткими руками,
Вы вспомните! Наш прах давно забыт,
И нет в учебниках о нас ни слова,
Могилы наши без камней и плит.

Вы вспомните, как спорили мы ночью
В закрытой тесной комнате, шепчась,
Чтоб рядом не подслушали шпионы,
Не выдали предатели. И в споре
Мы ссорились, друг друга ненавдя,
Как будто бы враги, и без конца
Курили, и серели подбородки
Небритые. Внезапно свет погас
И пулеметы застрочили четко.

Вы вспомните, как пробирались мы
В рассветных сумерках пустынных улиц,
Где слушали одни ночные тени
Ложь громкоговорителей и с неба
Аэропланы сеяли смятение.
Вот труп на паперти. Ему в лицо
Навел я электрический фонарик —
Один из наших. Я его узнал.
И, как исчадья тьмы в ночном кошмаре,
Враги охватывали нас кольцом.

Поднять союзы, известить скорее
Центральный Комитет! Но провода
Оборваны, все двери на запоре,
Все улицы замкнулись навсегда,
И поздно звать на помощь и цепляться
За жизнь свою, и нам наперерез
Через пустыри темнеющего плаца
От бойни долетел ружейный треск...
Творцы грядущего и рекордсмены,
Пловцы воздушные и волн морских
Наездники, вы вспомните погибших
В Бадахосе, как на арене цирка,
В Кантоне, в свалках тупиков глухих.
Мы пали от предательства, но нас
Поток бурливый гневного столетья
В сияющее ваше утро нес,

Вы, вскормленные нашей кровью дети!

Хоуард Натт

Благодарность

Благодарю вас за прием в поместье,
И за мозоли от седла, загар,
За отдых, за еду с изжогой вместе,
За приглашение — ваш неожиданный дар.

У вас прекрасный дом, солярий, сад,
Для гольфа поле, — несомненно, вскоре
В имени у вас здесь учредят
Какой-нибудь рабочий санаторий.

Все ж кое-что переменить здесь надо:
(Прошу прощения) мы снесем ограду,
Прибавим жалованье людям всем,
Им установим смену в час и в семь.
Пусть у дверей слуга, ваш фаворит,
«Он больше не живет здесь», — говорит.

Мое фермерство

— Миссури, Миссисипи ил
Пахали предки.

— Ну а вы?

— Их фермерство я получил
В наследство с кровью их.

— Увы!

У вас ни одного нет фута
Своей жилплощади как будто?

— Трудились предки с малолетства.

— Какое же у вас наследство?

— Они не хуже были многих,
Толк знали в свиньях и в овсе,
Порой судили о налогах,
Голосовали дружно все.

Религиозны, но не очень,
Молитвы пели покороче,
И жили так, трудясь, плодясь,

Весной посев бросая в грязь,
Но бедность пожинал их труд..
Я — плоть от трудовой их плоти.

— У вас от них к посеву зуд.
Посеяв, как они, пожнете
Лишь бедность!

— Что же! Я готов.

Любой бедняк, я верю, может
Засеять прах своих отцов.

Джо Хилл

(1879—1915)

Бродяга

Если вы заткнете рот,
Я спою вам в свой черед,
Как один молодчик мучился в беде.
Вовсе не был он лентяй,
Ему работы подавай,
Но один ответ он получал везде:

«Прочь, прочь, прочь иди, бродяга,
Нет работы никакой;
Если ж будешь здесь торчать,
То в тюрьму пойдешь опять.
Лучше уходи, бродяга, с глаз долой!»

Он по улице бродил,
Пока не выбился из сил.
Видит в доме леди варит свой обед,
Тут он к ней: «Привет, мадам,
Дров не наколоть ли вам?»
А она ему отрезала в ответ:

«Прочь, прочь, прочь иди, бродяга,
Нет работы никакой;
Если ж будешь здесь торчать,
То в тюрьму пойдешь опять.
Лучше уходи, бродяга, с глаз долой!»

Видит надпись неспроста:
«Потрудитесь для Христа»,
И подумал: «Здесь работу я найду».
Кланялся он до земли,
Так, что ноги затекли,
Получил же отповедь, а не еду:

«Прочь, прочь, прочь иди, бродяга,
Нет работы никакой;
Если ж будешь здесь торчать,
То в тюрьму пойдешь опять.
Лучше уходи, бродяга, с глаз долой!»

Вдруг, как будто бы из стен,
Появился полисмен,
Спрашивает: «В город к нам попал ты как?
Тебя к судье отправлю я».
Сказал судья: «Здесь власть моя!
С нас и так довольно нищих и бродяг.

Прочь, прочь, прочь иди, бродяга,
Нет работы никакой;
Если ж будешь здесь торчать,
То в тюрьму пойдешь опять.
Лучше уходи, бродяга, с глаз долой!»

Вот настал счастливый час —
Он, отмаявшись, угас
И уверен, что пойдет на небо в рай.
Но у золотых ворот
Петр-апостол, старый крот,
Дал ему такой хороший нагоняй:

«Прочь, прочь, прочь ступай, бродяга,
Нет работы никакой;
Если ж будешь здесь торчать,
То в тюрьму пойдешь опять.
Лучше уходи, бродяга, с глаз долой!»

Кэйси Джонс — скэб *

Рабочие на «Эс-Пи Лайн» ** волнуются опять,
Но Кэйси Джонс, наш машинист, не хочет бастовать.
Его котел давно течет, и не в порядке ось,
Подшипники колес скрипят, весь паровоз хоть брось...
Кэйси Джонс, трудись, как окаянный;
Кэйси Джонс, награду получай.
Кэйси Джонс медалью деревянной
Премируется за службу «Эс-Пи Лайн».

Рабочие к нему: «Бастуй! Участие прими».
А Кэйси им: «Я не вожусь с подобными людьми».
Но с рельс расхлябанных сошел негодный паровоз,
И Кэйси в реку вместе с ним свалился под откос.

* Штрейкбрехер.

** Сокращенное название Южно-Тихоокеанской железной дороги.

Кэйси Джонс, катись на дно по кочкам;
Кэйси Джонс, хребет себе ломай.
Кэйси Джонс, ты станешь ангелочком,
Прямо в небо поезжай на «Эс-Пи Лайн».

У райских золотых ворот торжественно предств,
Сказал он так: «Я, Кэйси Джонс, товарный вел состав».
«Ну что ж, — ответил Петр ему, — бастует хор как раз.
Работу можешь ты найти штрейкбрехером у нас».

Кэйси Джонс нашел работу в небе;
Кэйси Джонс нашел себе там рай.
Кэйси Джонс у ангелов за «скэба»,
Так же как среди рабочих «Эс-Пи Лайн».

Собранье ангелы тогда устроили и вот
Сошлись на том, что Кэйси Джонс и к ним не подойдет.
Союз их № 23, — он есть там, говорят, —
По лестнице его спустил, пинком поддавши в зад.

Кэйси Джонс летел с небес до ада.
«Кэйси Джонс, — сказал тут дьявол, — знай:
Выгребать тебе здесь серу надо
За штрейкбрехерство твое на «Эс-Пи Лайн!»»

ИЗ НЕГРИТЯНСКИХ ПОЭТОВ

Поль Лоренс Данбар

(1872—1906)

Заклятый дуб

«Скажи, отчего ты так черен и гол,
О старого дуба сук?
В тень твою я вхожу, и ознобом жуть
Меня пробирает вдруг».

«Зеленел я так, что любо взглянуть,
И бродил в моих жилах сок.
Но безвинный страдалец в лунную ночь
Ко мне прильнул, одинок.

Услышав его захлебнувшийся стон,
Качаясь, пригнулся я вниз.
И дрожал я, когда ускакали они,
А он одиноко повис.

По старому делу он был обвинен
И посажен за это в тюрьму.
О, зачем собака выла всю ночь
И ветер рыдал почему?

Руки к небу воздев, он присягу дал,
Что он невиновен, и вдруг
Среди ночи он слышит топот копыт,
И все ближе, ближе их стук.

Кто это скачет так поздно в ночь
По лунной дороге там?
Чьи шпоры торопят бешеный гон,
За добычей какой по пятам?

Вот они стучатся в ворота тюрьмы:
«Эй, тюремщик, живей, живей!
Мы друзья того, кто сидит под замком,
И его мы спасем, ей-ей,

От тех, кто скачет за нами вслед,
Чтоб над ним учинить самосуд.
Что он невиновен — им дела нет,
Веревку они везут».

Одурачен тюремщик ложью такой,
Он им уступает, и вот
Засов отодвинут, открыты замки
И распахнуты дверцы ворот.

Они забрали его из тюрьмы
И увозят в полночный мрак;
И поравнявшись с моим стволом,
Усмехается их вожак.

Черную маску надел судья,
А доктор под белой скрыт,

И пастор со старшим сыном своим
Неузнаваем на вид.

Страдалец несчастный, что плачешь ты?
Немного минут до конца.

И в ужасе они побегут
От твоего лица.

Веревка коснулась моей коры,
И погнулся от тяжести ствол,
И предсмертный стон был во мне отражен,
Как будто конец мой пришел.

Никогда не распустится больше листва
На залятом суку в лесу,
Меня ужас прожег, иссяк мой сок,
Я проклятье его несу.

И ночью мчится мимо судья
За добычей в лунных лучах,
А тот повешенный — следом за ним,
По пятам, как смертельный страх.

И каждую ночь, и каждую ночь
На мне он виснет, как труп;
И, как засохший залятый сук,
Засыхает залятый дуб».

Лэнгстон Хьюз

(Под. в 1902 г.)

Мулат

Моя мать — негритянка, а мой отец
    Был белый, как говорят.
Я не раз проклинал моего отца,
    Но беру проклятья назад.

И если я мою черную мать
    Проклинал когда-нибудь,
То я сожалею об этом теперь
    И хотел бы проклятья вернуть.

Отец мой умер в большом доме.
    И в лачуге — мать моя.
Так где же придется мне умирать —
    Ведь ни белый, ни черный я?

Если б...

Если б имел я сотню
В дырявом кармане моем,
То я купил бы мула
И поехал на нем верхом.

Если б имел я тысячу,
Купил бы автомобиль
И покатил по дороге,
Поднявши облаком пыль.

А если б имел миллион я,
Купил бы самолет,
И мне бы в Америке всюду
Оказывали почет.

Но нет у меня миллиона,
В кармане нет и гроша —
И только от этого «если б»
Кажется жизнь хороша

Девушки Гарлема

Кто из вас посетил
Шугар Хилл?
Кто видел там
Во всем великолепии
Девушек из сепии
С углем пополам?
Как сахар жженный,
Как желтый мед,
И каждый влюбленный
Их сладость поймет.
Как кофе мокко,
Как шоколад
И ночью глубокой
Темнеет их взгляд.

С абрикосовой кожей,
Как грецкий орех,
На гранат похожи
Губы у всех.
Оттенками всеми,
От сливок до сливы,
Девушки в Гарлеме
Блещут, красивы.
Их цвет золотится
От бронзы до тьмы,
От темной корицы
До светлой хурмы.
Настой из черники,
Из желтой айвы,
Ликер из гвоздики
Пригубите вы.
Как кофе мокко,
Как шоколад,
И взглядом глубоким
Они томят.
На патоке черной,
На светлом меду
Из маковых зерна,
Грейпфруты во льду.
Оттенками всеми,
Как в спектре цвета,
Сияет в Гарлеме
Их красота.
В их радуге темной
К блаженству пути.
Мой сладостный, томный,
Гарлем посети.

Воздушный блюз

Мне сказали: на Севере
Жизнь хороша.
Мне сказали: на Севере
Жизнь хороша.
И вот я на Севере
Без гроша.

Вместо завтрака я глотаю
Утренний воздух пустой,
Вместо завтрака я глотаю
Утренний воздух пустой,
А на ужин я получаю
Вечерний воздух густой.

И вот я танцую
И веселюсь,
И вот я танцую
И веселюсь
И распеваю
Воздушный блюз.

Не спрашивай лучше
Про жизнь мою,
Не спрашивай лучше
Про жизнь мою,
Послушай лучше,
О чем я пою.

Прощальный блюз

Подари на прощанье мне билет
На поезд куда-нибудь.
Подари на прощанье мне билет
На поезд куда-нибудь.
Мне все равно, куда он пойдет,
Лишь бы отправиться в путь.

Пусть будет недолгая наша любовь
И сладостна, и светла.
Пусть будет недолгой эта любовь,
Что наши сердца зажгла.
Пусть будет недолгой наша любовь,
Чтоб я уехать могла.

Навсегда уехать могла.

Свободный человек

Поймай, если можешь, ветер,
Морскую волну лови,
А я скитаюсь по свету,
Не буду рабом любви.

Ручным становится кролик,
Смирится в неволе медведь,
Но сердце, привыкшее к воле,
В клетку не запереть.

Утром с похмелья

Я, кажется, выпил вчера,
И был немного пьян,
Я, кажется, выпил вчера,
И в голове туман.
В этот проклятый ликер
Был подмешан дурман.

Ночью я видел во сне,
Что я нахожусь в аду,
И грохот ужасный мне
Чудился ночью в бреду.
Проснулся и вижу, что Бэйби рот
Открыла, как бегемот.

Я сказал: не храпи, о Бэйби!
Дай уснуть хоть на час один.
Не храпи, моя крошка Бэйби!
Дай уснуть хоть на час один.
Ты нежная женщина, Бэйби,
А храпишь, как сотня мужчин.

Невольный переезд

Они бросали в него камнями
За то, что пошел он голосовать,
Всю голову в кровь ему разбили,
Дополз он домой и лег на кровать.
На северный поезд
Он сел на рассвете,

Теперь он живет
На 133-й.
В Вашингтоне он не хотел сойти.
В Балтиморе он не хотел сойти,
И в Ньюарке он не сошел по пути.
На его голове шесть повязок было,
Хорошо, что его не взяла могила,
А здесь нет ку-клукс-клана
На 133-й.

Песня о красной земле

Я скучаю о красной земле, я хочу
Под ногами слышать землю свою.
Я скучаю о красной земле, я хочу
Шагами мерить землю свою.
Я в Джорджию вернусь домой
И песню о красной земле спою.

Мостовые тверды здесь, и я устал
От бетонных улиц городских.
Мостовые жестки здесь, и я устал
От этих улиц городских.
Вернусь я в Джорджию домой,
Там земля мягка для ног моих.

Я хочу ступать по красной земле,
Хочу месить ее пальцами ног.
Я хочу, чтоб красная земля
Прилипала, чавкая, к пальцам ног.
Я вернусь на ферму свою опять
И хозяина не пушу на порог.

Я хочу быть в Джорджии, когда
Начнет бушевать большая гроза.
Да, хочу быть в Джорджии, когда
Начнет бушевать большая гроза.
Посмотрю, как лэндлорды побегут
И не вернуться на землю назад.

Я им песню о красной земле спою.

ИЗ ИСПАНСКИХ ПОЭТОВ

Федерико Гарсиа Лорка

(1898—1936)

Плач по Игнасьо Санчесу Мехиасу *

I

Удар быка и смерть

Било пять часов пополудни.
Было точно пять часов пополудни.
Принес простыню крахмальную мальчик
в пятом часу пополудни.
И корзину с известью негашеной —
в пятом часу пополудни.
А над всем этим — смерть, одна только смерть
в пятом часу пополудни.
Вата взлетела, подхвачена ветром,
в пятом часу пополудни.
Стекло и никель посеяла окись
в пятом часу пополудни.
Голубка вступила в бой с леопардом
в пятом часу пополудни.
И было бедро пропорото рогом
в пятом часу пополудни.
И гулко ударил большой колокол
в пятом часу пополудни.
Трезвон хлороформа и дымной крови

* Знаменитый испанский тореадор.

в пятом часу пополудни.
В трауре улиц безмолвные толпы
в пятом часу пополудни.
А сердце быка так яростно билось
в пятом часу пополудни
Когда заморозились капли пота
в пятом часу пополудни
и стала арена желтее йода
в пятом часу пополудни,
то смерть положила личинки в рану
в пятом часу пополудни.
Било пять часов пополудни,
было точно пять часов пополудни

Помост катафалка вместо кровати
в пятом часу пополудни.
Могилой флейты ему зазвучали
в пятом часу пополудни.
Наполнился мозг его ревом бычьим
в пятом часу пополудни.
Агония радугой расцветилась
в пятом часу пополудни.
Гангрена выткала траурный бархат
в пятом часу пополудни.
Хоботы ириса в зелени паха—
в пятом часу пополудни.
От давки народной звенели стекла
в пятом часу пополудни.

В пятом часу пополудни.
О мрачные пять часов пополудни!
Было мрачно в пять часов пополудни!

II

Пролитая кровь

Не хочу ее я видеть!

Пусть луна взойдет багровой
О, засыпьте лужи крови
На песке, где пал Игнасьо!

Не хочу ее я видеть!

Пусть луна открыта настезь,
Кони облачные серы,
Тускло светится арена,
Лозы воткнуты в барьеры.

Не хочу ее я видеть!

Пусть воспоминанье меркнет.
Детской белизне жасминной
Дайте знать об этой смерти!

Не хочу ее я видеть!

Грустным языком облизет
Мира старого корова
На песке арены лужу
Пролитой горячей крови.
Дикие быки Гисандо * —

* Остовы диких быков, найденные при раскопках в Гисандо.

Полусмерть и полукамень —
Промычат с тоски, что надо
Землю попираТЬ веками.
Нет,
Не хочу ее я видеть!

По ступеням вверх Игнасьо
С ношей смерти шел устало,
Он искал рассвет, но тщетно —
В эту ночь не рассветало.
Он искал свой образ твердый,
Тело, полное здоровья,
А нашел он — распростертый —
Только бред свой, смытый кровью,
На нее смотреть не стану!
Не хочу я видеть струйки,
Бьющие, как из фонтана,
Льющиеся алым светом
На зеленый плющ, на руки
Жаждущей толпы под тентом.
Кто там крикнул, чтоб взглянул я?
Все равно смотреть не стану!

Он не дрогнул пред рогами,
Не закрыл он глаз, не крикнул,
Только ужас материнский
Встал окаменелым ликом,
И донесся зов потайный
С ветром пастбищ бесконечных
К облачным быкам небесным,
К пастухам туманов млечных!

Гранда не было в Севилье,

Кто б сравнился с ним в отваге,
Не было такого сердца,
Нет другой подобной шпаги!
В нем текла рекою львиной
Чудодейственная сила
И его картинный облик
Торсом мраморным взносила.
Андалусский дивный воздух
Облекал его в сиянье,
Смех его струился нардом
Остроумья, обаянья.
Он великий был тореро!
Горец, как любил он горы!
Как с колосьями был нежен!
Как вонзал он твердо шпоры!
Как он ласков был с росой!
Как прекрасен на арене!
Пред последней бандерильей
Тьмы не пал он на колени!

Сном заснул он бесконечным.
Мхи зеленые и травы
Раздвигают, словно пальцы,
Черепя цветок кровавый.
По лугам, холмам зеленым
Льется кровь его, как песня,
Льется по рогам склоненным
И душою не воскреснет,
Тысячью копыт топочет,
Разливается все шире,
Лужею сравняться хочет
С звездной тьмой в Гвадалквивире.

О, средь белых стен испанских
Черные быки печали!
Вены вскрытые Игнасьо
Соловьями зазвучали!
Нет!
Не хочу ее я видеть!
Не вместить ее в потире,
Ласточек таких нет в мире,
Чтоб ее по капле выпить,
Инея — чтоб заморозить,
Песен нет таких и лилий,
Хрусталай нет, чтобы закрыли
Серебром кровавость розы.
Нет,
Не хочу ее я видеть!

III

Присутствующее тело

Камень — это лоб, где стонут сонмы сновидений
Без змеистых вод, без льдистых мрачных кипарисов.
Камень — как спина, что носит вечным грузом время,
И деревья слез, и ленты млечные созвездий.

Серые дожди сбегают торопливо к рекам,
Изрешеченные руки нежно поднимая,
Чтоб дорогой не поймал их камень распростертый,
Не сломал их членов хрупких, не впитал их крови!

Камень жадно собирает семена и капли,
Ласточек костяк летучий и скелеты волчьи;

Он не даст певучих звуков, пламени, кристаллов.
Он дает одни арены, серые арены.

Благородный наш Игнасьо распростерт на камне.
Он скончался. Что с ним стало? На лицо взгляните:
Словно смерть его натерла бледно-желтой серой,
Голова его темнеет, как у Минотавра.

Он скончался. Дождь проникнул в рот его открытый.
Вылетел из сжатых легких воздух, как безумный,
А любовь его, питаюсь снежными слезами,
Греется в лазури горной отдаленных пастбищ.

Что там шепчут? Здесь почило тленье и безмолвье,
Перед нами только тело в тяжком испарении.
Прежде в этой четкой форме соловьи звучали,
А теперь она покрыта синью дыр бездонных.

Кто наморщил саван? Лживы все слова и речи,
Здесь, в углу, никто не плачет, не заводит песни,
Шпорами коня не колет и змеи не гонит.
Я хочу увидеть взглядом широко открытым
Пред собою это тело, только не в покое.

Я хочу людей увидеть с голосом, как трубы,
Укрощающих уздою лошадей и реки;
Я хочу людей увидеть с костяком звенящим
И с певучим ртом, где солнце искрится кремнями.

Здесь хочу я их увидеть. Перед этим камнем.
Перед этим торсом бледным, тросом перебитым.
Я хочу, чтоб эти люди указали выход
Для Игнасьо — паладина, связанного смертью.

Пусть укажут эти люди плач такой широкий,
Чтоб он тек в туманах нежных светлою рекою,
Чтоб без бычьего пыхтенья яростно-двойного
По реке той плыл Игнасьо охладелым телом.

Чтоб река та затерялась на арене круглой,
На луне, что притворилась светлым, кротким агнцем;
Чтоб река исчезла в ночи рыбьего безмолвья,
Затерялась в белой чаше дымов отвердевших.

Нет, лица его платками вы не закрывайте,
Чтобы не привык он к смерти, в Нем самом сокрытой.
Спи, Игнасьо, и не чувствуй жаркого мычания,
Мчись, лети, покойся с миром. Так умрет и море.

IV

Отсутствующая душа

Ты чужд быку, смоковнице, и коням,
и муравьям у твоего порога.
Тебя не знает вечер и ребенок, —
ушел ты навсегда, навеки умер.

Ты чужд хребту иссеченному камня,
атласу черному, в котором тлеешь.
Ты чужд своим немым воспоминаньям, —
ушел ты навсегда, навеки умер.

Придет к нам осень с гроздьями тумана,
с улитками и снежными горами.
Никто в твой взор не взглянет светлым взором, —
ушел ты навсегда, навеки умер.

Да, потому, что ты навеки умер,
как мертвые, оставившие землю,
как мертвые, которых забывают
среди кучи мусора и псов издохших.

Пусть чужд ты всем. Тебя я воспеваю,
я сохраню твой мужественный облик,
и зрелость опыта, и жадность к смерти,
вкус терпкий губ твоих и привкус грусти
в веселой смелости твоих порывов.

Родится ли когда, — да и родится ль, —
с судьбой такую бурной андалусец?
О красоте твоей пою со стоном,
и грустно шелестит в оливах ветер.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Н. Тихонова	5
ИЗ ФРАНЦУЗСКИХ ПОЭТОВ	
<i>Гийом Аполлинер</i>	
Небольшой автомобиль	11
Закалка	13
ИЗ АНГЛИЙСКИХ ПОЭТОВ	
<i>Томас Гарди</i>	
Рождество 1924 года	14
Человек, которого он убил	14
«Кто роет там на моей могиле?»	15
Черный дрозд	16
После меня	18
<i>Ричард Олдингтон</i>	
Детство	19
Глухонемая скорбь	24
Возлюбленная	25
Живые гробницы	26
Окопная идиллия	26
Огневая завеса	27
Бомбардировка	28
Интермедия	28
Сомнения	29

Сигфрид Сассун	
В тылу	31
В блиндаже	31
Самоубийство в окопах	32
Славолюбив женщин	32
Мемориальная доска	33

Руперт Брук	
Солдат	34

Уилфред Оуэн	
Часовой	35
Странная встреча	36
Dulce et decorum est.	38
Отпевание обреченной юности	39
Весеннее наступление	39

Эдвард Теннант	
Садик в Лаванти	42

С. Г. Сорли	
Вдоль холмов	44

Т. С. Элиот	
Прелюдия	46
Рапсодия о ветреной ночи	46
Гиппопотам	49
Орел парит на вершине Неба	51

Дилан Томас	
Горбун в парке	53
В октябре	54

ИЗ ЮЖНОАФРИКАНСКИХ ПОЭТОВ

Рой Кампбелл	
Зулуска	58
Теология павиана Бонгви	59
Поэты в Африке	59

ИЗ АВСТРАЛИЙСКИХ ПОЭТОВ

Генри Лоусон

Создатели Австралии	63
Свобода в скитаниях	66

ИЗ АМЕРИКАНСКИХ ПОЭТОВ

Эдвин Арлингтон Робинсон

Клондайк	68
Вечеринка мистера Флада	71

Эдгар Ли Мастерс

Люсинда Метлок	73
Судья Арнетт	74
«Буч» Уэлди	75
Минерва Джонс	75
Ноулт Хохаймер	76
Лидия Пуккет	77
Пи Боу	77

Роберт Фрост

Пучок цветов	78
Починка стены	80
Время для беседы	81
Огонь и лед	82
Дар навсегда	82
Избравши что-то как звезду	83

Вэйчел Линдзи

Авраам Линкольн бродит в полночь	84
Призраки бизонов	85

Карл Сэндберг

Народ будет жить	89
Небоскреб	91
Три слова	93
Джаз-фантазия	94
Детская песенка	95

Луис Унтермайер	
Воскресенье	96
Старая вражда	98
Робинсон Джефферс	
Скале, которая станет краеугольным камнем дома	99
Божественный избыток красоты	100
Осенний вечер	100
Птицы	101
Суда в тумане	102
На краю континента	103
Лю Саретт	
Вражда	105
Арчибальд Маклиш	
Кладбище у шпал	107
Эйнштейн	108
Эдна Винсент Миллэй	
Олень на снегу	117
Голуби	117
Детство — это царство, где никто не умирает	118
И если сад в тиши	120
Правосудие, поправное в Массачусетсе	121
Женевьева Таггард	
СССР	123
С ребенком	124
Майкл Голд	
Необычайные похороны в Брэддоке	125
Малькольм Каули	
Завтра утром	128
Хоуард Натт	
Благодарность	130
Мое фермерство	131

Джо Хилл

Бродяга	132
Кэйси Джонс — скэб	134

ИЗ НЕГРИТЯНСКИХ ПОЭТОВ

Поль Лоренс Данбар

Заклятый дуб	136
----------------------	-----

Лэнгстон Хьюз

Мулат	139
Если б... .. .	139
Девушки Гарлема	140
Воздушный блюз	142
Прощальный блюз	143
Свободный человек	143
Утром с похмелья	144
Невольный переезд	144
Песня о красной земле	145

ИЗ ИСПАНСКИХ ПОЭТОВ

Федерико Гарсиа Лорка

Плач по Игнасьо Санчесу Мехиасу	147
---	-----